

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра немецкой филологии

ДАНИЛКИНА Екатерина Алексеевна

**МОДАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ВОЗМОЖНОСТИ В НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ**

Магистерская диссертация

**Научный руководитель
д.ф.н., проф. С.Т. Нефёдов**

Санкт-Петербург

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. МОДАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ.....	9
1.1 Понятие модальности возможности.....	9
1.1.1 Соотношение понятий возможности и необходимости.....	9
1.1.2 Модальность возможности и типы модальности.....	10
1.1.3 Определение понятия <i>модальности возможности</i> через значения глаголов <i>können</i> и <i>mögen</i>	15
1.1.4 Формальное определение понятия <i>возможности</i>	16
1.1.5 Шкала вероятности и модальность возможности.....	17
1.2 Основные черты языка науки.....	19
1.2.1 Три «табу» научного стиля	19
1.2.2 Социально-коммуникативное измерение научного текста	21
1.3 Научная статья как тип лингвистического текста.....	26
1.4 Способы выражения модальности возможности	29
1.4.1 Способы выражения модальности возможности в немецком языке	29
1.4.2 Конструкции со значением возможности на русском языке.....	34
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	38
ГЛАВА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРПУСА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	39
2.1 Относительная частотность средств выражения модальности возможности в лингвистических статьях.....	39
2.1.1 Результаты частотно-сопоставительного анализа	40

2.1.2	Частотность разных типов модальности возможности в русско-и немецкоязычных статьях	43
2.2	Роль модальности возможности в реализации основных стратегий научного формулирования.....	52
2.2.1	Реализация основных стратегий научного аргументирования в статьях на немецком языке	54
2.2.2	Реализация основных стратегий научного аргументирования в статьях на русском языке	63
2.3	Модальность возможности в разных коммуникативно-смысловых частях научных статей.....	69
2.3.1	Семантико-синтаксические модели высказываний со значением возможности в статьях на немецком языке.....	71
2.3.2	Семантико-синтаксические модели высказываний со значением возможности в статьях на русском языке	76
	ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	80
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	83
	ЛИТЕРАТУРА.....	86
	СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	96
	СПИСОК СПРАВОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ И СОКРАЩЕНИЙ.....	100
	Приложение 1	101
	Приложение 2	102
	Приложение 3	103

ВВЕДЕНИЕ

В семантико-прагматической организации текстов научного дискурса нередко участвуют модальные компоненты со значением возможности. Их присутствие в научных текстах предопределяется целым рядом свойств и норм научной коммуникации (далее НК), например, стремлением научного стиля к некатегоричности изложения [Кириченко, 2006: 242]. Специфические функции средств выражения (далее СрВ) модальности возможности (далее МВ) в научных текстах реализуются в их взаимодействии с другими средствами языка, благодаря чему формируется особая грамматика языка науки [Gee, 2014: 162-167], зависящая от дискурсивных норм данной языковой общности.

Несмотря на ведущую роль английского языка в интернационализации научных открытий, изучение дискурсивных норм других языков науки не теряет значимости, поскольку, как небезосновательно полагают некоторые исследователи, например, В.Е. Чернявская, язык публикации и культурно-специфические особенности НК влияют не только на форму изложения материала, но и на сам характер исследования [Tscherniavskaia, 2014].

Кроме того, принципиальное значение имеет изучение разных коммуникативно-речевых жанров языка науки, которые отражают разный коммуникативный замысел авторов-исследователей, что сказывается на неодинаковой частотности и качественных характеристиках модальности в текстах из разных областей науки. Последний факт подтверждается эмпирически [см. Piqué, Posteguillo, Andreu-Besó, 2001].

В настоящей работе в фокусе внимания оказываются коммуникативно-прагматические и структурно-семантические особенности функционирования модальности *возможности* в лингвистических текстах на русском и немецком языках.

Объектом исследования является модальность *возможности* в коммуникативном жанре «лингвистическая научная статья».

Актуальность настоящей работы определяется тем, что она опирается на контрастивное описание языковых фактов русского и немецкого языков и выполнена в русле современного лингводискурсивного и коммуникативно-прагматического подхода к исследованию научной речи и профессиональной коммуникации. Модальность возможности при этом рассматривается как категория, языковые средства которой задействованы автором-исследователем при реализации коммуникативного замысла и достижении основных целей НК.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно посвящено сопоставительному анализу грамматических способов передачи различных значений возможности в немецком и русском языках на материале научных текстов. Эта область не получила всестороннего освещения в лингвистике научной речи, хотя систематизированные сведения по этому вопросу позволят уточнить общие и идиоэтнические моменты в организации данного сегмента грамматического строя обоих сопоставляемых языков в проекции на язык науки и, в частности, лингвистики.

Решение следующих конкретных **задач** даст возможность получить системное многоплановое представление о функциональном кластере модальных «конструкций возможности» в немецко- и русскоязычных научных текстах:

- 1) выявить лексические и грамматические маркеры модальности возможности в заданном корпусе научных текстов на русском и немецком языках;
- 2) описать функциональное взаимодействие разноплановых языковых средств, оформляющих текстовые высказывания с семантикой возможности;
- 3) провести структурно-грамматический анализ и представить выявленные текстовые реализации высказываний с семантикой

возможности в виде набора типичных семантико-синтаксических моделей для обоих языков;

4) провести сравнительно-сопоставительные количественные подсчеты частотности употребления «конструкций возможности» в немецко- и русскоязычных статьях в целом и выделенных конструктивных моделей в каждом из заданных текстовых корпусов;

5) интерпретировать полученные количественные данные употребления тех или иных видов грамматических «конструкций возможности» применительно к основным целям НК;

6) выделить прагматические функции изучаемых конструкций в разных контекстах научного сообщения (в разных коммуникативно-смысловых частях научного текста) в немецко- и русскоязычных статьях;

7) описать роль модальных «конструкций возможности» в реализации базовых коммуникативных стратегий научного формулирования.

Исследование проводилось на **материале** 40 научных статей, отобранных из авторитетных лингвистических журналов «Zeitschrift für germanistische Linguistik», «Zeitschrift für angewandte Linguistik» и «Вопросы языкознания» (2011-2015гг.), содержащих в общей сложности 22 443 предикации на 875 страницах печатного текста.

Теоретико-методологическую основу настоящей работы составляют труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященных изучению типов и лексико-синтаксических средств модальности и субъективности в языке (Е.В. Падучева, Беляева Е.И., Е. Хентшель, П. Айзенберг, Г. Хельбиг, Й. Буша, Е.А. Крашенинникова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Р. Дитрих, Дж. Л. Байби), роли модальности в коммуникативно-прагматической организации языка науки (П.Г. Майер, Х.Й. Майер, Р. Креста, Т. Штайнхофф, С.Т. Нефедов), а также нормативному аспекту, структурно-семантической организации и методологии исследования научного дискурса (Х.Л. Кретценбахер, Х.

Вайнрих, Х. Файльке, К. Элих, Л.Р. Дускаева, Н.В. Кириченко, Е.М. Крижановская, В.Е. Чернявская).

При решении поставленных задач в работе используются **методы** структурно-грамматического, коммуникативно-прагматического, контекстно-семантического анализа, а также метод сопоставительного анализа частотности исследуемых единиц по отношению к общему числу текстовых предикаций.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены на XX Открытой конференции студентов-филологов (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2017 г.). По теме работы были опубликованы следующие статьи:

1. Данилкина Е.А. Коммуникативно-прагматические мотивировки использования средств выражения возможности в русско- и немецкоязычных научных лингвистических статьях / Е.А. Данилкина // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (116). С. 45-47.
2. Данилкина Е.А. Прагматическая роль высказываний со значением возможности в научном тексте / Е.А. Данилкина // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2017. № 6. URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/phil/442.html> (дата обращения: 8.05.2017).

Структура работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и источников иллюстративного материала, а также двух приложений.

Основное содержание работы

Во **введении** определяется актуальность и научная новизна исследования, формулируются цели и задачи работы, описываются материал и методы анализа.

В главе I «**Категория модальности в научном тексте**» проводится аналитический обзор современной литературы, на основании которого

определяются границы понятия *модальности возможности* и описывается ее роль в формировании основных коммуникативно-прагматических свойств научной речи. Кроме того, осуществляется анализ ведущих грамматик, академических толковых словарей и справочников немецкого и русского языков, в результате которого составляется набор типичных грамматических маркеров *модальности возможности*.

В главе II «**Сопоставительный анализ корпуса лингвистических текстов на немецком и русском языках**» выявляются основные механизмы функционирования модальности возможности в русско- и немецкоязычных текстах. Модальные средства выражения возможности рассматриваются с точки зрения их интенционально-дискурсивной направленности на достижение основных целей НК. Сопоставление особенностей употребления средств модальности возможности в текстах на русском и немецком языках производится с опорой на их место в коммуникативно-смысловой организации научной статьи и с учетом частотности и семантических свойств разных маркеров модальности возможности в разных композиционно-прагматических частях текста.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования и намечаются дальнейшие перспективы изучения модальности возможности в НК. Описание модальности возможности с представленных ракурсов вносит вклад в формирование системного представления о коммуникативно-дискурсивных аспектах функционирования данной категории в сравниваемых языках.

ГЛАВА 1. МОДАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

1.1 Понятие модальности возможности

Понятие *модальности возможности* (далее МВ), как и модальности вообще (см., например, Нефёдов, 2007в), далеко не является однозначным. Однако четкое представление о том, какие именно модусы являются частью этой категории, – необходимое условие для выявления грамматических способов выражения *модальных значений возможности* (далее МЗВ).

В силу устройства, скажем, русского языка вполне закономерно допустить принадлежность к этой группе значений слов, включающих корневой морф /-мог-/ или /-мож-/. Более детальный лексико-семантический анализ все же показывает, что значения таких слов дробятся как минимум на два дополнительных значения: *предположение* и *утверждение о способности* [см., например, Шведова, 1980д: 214-215; Крашениникова, 1958]. Если относить предположение к сфере МЗВ, то существует опасность, что предмет исследования будет чрезмерно расширен. Поэтому необходимо получить четкое представление о том, что именно следует считать МВ.

1.1.1 Соотношение понятий возможности и необходимости

Нередко МВ рассматривается совместно с модальностью необходимости в силу присутствия в их семантике единой семы – потенциальности [Беляева, 1990]. Единый стержень в значении этих понятий позволяет определять одно понятие через другое.

Такой подход представлен в грамматике «Дуден» под редакцией Ф. Мюнцберг. При определении значений модальных глаголов авторы отталкиваются исключительно от понятий возможности и необходимости. Предложение считается модально окрашенным, когда говорящий

представляет некоторое обстоятельство возможным или необходимым относительно норм, желаний, обстоятельств, знаний и других факторов, сопутствующих речи [Duden, 2016: 570-571].

Возможность и необходимость трактуются как базовые понятия, или крайние точки шкалы, на которой располагаются все остальные значения модальности (в т.ч. волитивная модальность). В качестве вспомогательных вводятся три параметра, через которые можно определить все значения модальных глаголов:

1. параметр модальной силы, получающий наибольшее значение, если предложение имеет модальный оттенок чистой необходимости, и наименьшее, если предложение имеет модальный оттенок возможности;
2. параметр речевого фона (эпистемического, если высказывание отсылает к знаниям говорящего, и не эпистемического, если оно опирается на нормы, факты, волю, цели и т.д.);
3. параметр источника модальности (интрасубъективного или экстрасубъективного) [там же].

Таким образом, значения возможности могут варьироваться по перечисленным параметрам и получать различные оттенки. Хотя системное описание оттенков модальных глаголов с помощью этих параметров и дает в руки удобный терминологический аппарат, позволяющий однозначные формулировки по поводу их значений, границы семантического поля «возможность» все же остаются неясными.

1.1.2 Модальность возможности и типы модальности

Во многих практических и теоретических грамматиках «возможность» (нем. «Möglichkeit») приводится как самостоятельный модус, получающий грамматическое выражение, например, при помощи модальных глаголов; дополнительно выделяется модус «предположения» (нем. «Vermutung» или «Annahme») [см. Крашениникова, 1958; Duden, 1984]. Взаимосвязь этих двух понятий все же подтверждается хотя бы тем,

что существуют теории, определяющие оба понятия как две грани понятия *возможности*.

Разброс значений понятия *возможности* коррелирует с типами значений модальности, которые принято выделять в литературе, посвященной модальности. В некоторых трудах выделяется более шести значений модальности [Мильруд, Антипов, 2009; Fintel von, 2006; Hentschel, 2010:180-183] и, соответственно, МВ [Эслон, 1986]. Однако, как будет показано в дальнейшем, наиболее общепринятым является деление понятия *возможность* на два типа [ср. Вубе, Fleischmann, 1995].

Описанию значений понятия *возможности* Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев посвящают целую главу совместной монографии. Опираясь на два основных вопроса философии, исследователи выделяют «онтологическую» возможность (также «потенциальность»), и «эпистемическую» возможность, (также «проблематичность»). Под онтологической возможностью (далее ОВ) они понимают возможность, связанную с объективной реальностью, т.е. возможность, указывающую на принципиальную допустимость определенных обстоятельств или состояний; а под эпистемической возможностью (далее ЭВ) – возможность, указывающую на степень уверенности отправителя сообщения в сообщаемом, т.е. на то, что некоторое высказывание есть предположение относительно некоторого обстоятельства [Булыгина, 1997:210 и далее].

Таким образом, исходя из этого определения, примером ЭВ следует считать предложения (1) и (2), в которых с помощью разных средств (глаголов *können* и *mочь*, а также предикатива *можно*) выражается мнение автора по поводу тех или иных обстоятельств (языковой ситуации в норвежском городе, расположенном вблизи от российско-норвежской границы, в примере (1) и факторов, влияющих на форму выражения генитива, в примере (2)):

(1) Таким образом, мы **можем** говорить о том, что русскоязычные иммигрантские сообщества формируют новый регистр речи, который **можно** назвать «иностранным русским» (Рогова, 2010: 28).

(2) Außerdem kam die starke **Vermutung** auf, dass die Vokallänge vor konsonantischem Auslaut und auch die außersprachlichen Dimensionen ‚Zeit‘ (Attribut Jahr) und ‚Raum‘ (Attribut Region) eine wichtige Rolle spielen **können** (Bubenhofner, Hansen-Morath, Konopka, 2014: 413).

Соответственно, ОВ выражается в примерах (3) и (4), в которых авторы сообщают об объективных свойствах некоторых грамматических категорий:

(3) ...субъект в страдательном предложении сирконстантен, а значит, **может** быть опущен... (Зельдович, 2010: 10).

(4) Genitive von Eigennamen werden im Gegensatz zu anderen Appellativa, die die Flexionsendungen -(e)s, -(e)n, -(e)ns aufweisen **können**, in der Regel ausschließlich mit -s gebildet (Peter, 2015: 205).

В определенной степени деление понятия *возможности* на онтологическую и эпистемическую в интерпретации Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева коррелирует с принятым в отечественной традиции делением модальности на субъективную и объективную. ОВ можно считать подмножеством объективной модальности как комплекса значений, связывающих сообщаемое с действительностью (значение времени и реальности/ирреальности); а ЭВ – подмножеством субъективной модальности как совокупности значений, указывающих на отношение субъекта к сообщаемому [о субъективной и объективной модальности см., например, Шведова, 1980г: 85-91; Нефёдов, 2007б; Антипов, 2008].

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев предпринимают попытку выявления объективных языковых критериев, на основании которых следует отличать ЭВ от ОВ. Как считают исследователи, для выражения ОВ всегда используются предикатив *можно* и оборот *иметь возможность*, а вводные слова со значением возможности, такие как *возможно*, *быть может* и др. всегда используются для выражения ЭВ [Булыгина, 1997:210,

211]. Однако существуют случаи, в которых предикатив *можно* указывает явно на ингерентно свойственную сущностям способность, или объективную действительность, а не на мнение субъекта. Вполне мыслимо высказывание типа «в качестве проявления свойства 'х' *можно* рассматривать признаки 'у'». Как кажется, объективный критерий следует искать не на уровне языкового выражения, а на уровне семантики, поскольку одни и те же средства языка могут использоваться для выражения разных значений МВ (например, модальный глагол *können* и русский модальный глагол *мочь* служат для выражения обоих видов возможности [см. Крашенинникова, 1958; Шведова: 1980д: 214-215]).

Попытка разработки точного критерия, позволяющего разграничить разные виды возможности, предпринимается в совместной статье Е.И. Беляевой и С.Н. Цейтлин, которые, примыкая к отечественной традиции, различают субъективную и объективную возможность. В основе их определения лежит понятие детерминирующих факторов, т.е. причинно-следственных отношений, связывающее субъект предметной ситуации и его признак [Беляева, Цейтлин, 1990а: 123-126]. Иначе говоря, это причины, по которым некоторое положение дел передается в модусе возможности. Отсутствие у говорящего достоверных сведений о предметной ситуации, т.е. невыраженность детерминирующих факторов, является критерием субъективной возможности (также ЭВ) [там же].

Высокий уровень абстракции вышеприведенного критерия затрудняет его применение на практике. Дело в том, что не всегда субъект ситуации, выраженный на поверхностном семантическом уровне, совпадает с подразумеваемым субъектом ситуации. Например, в отрывке (1) существует два утверждения о возможности: «*мы можем говорить о 'х'*» и «*у можно назвать 'z'*». На основании языковой формы можно заключить, что субъектом ситуации здесь является автор, а признаком – возможность говорить о некотором положении дел или назвать что-либо чем-либо. На самом же деле речь идет вовсе не о возможности говорить

или называть что-либо чем-либо, а о возможности *формирования нового регистра речи*.

Разграничение между двумя типами МЗВ – ЭВ и ОВ – проводится также в трудах Р. Дитриха [Dietrich, 1992: 50-72], который дает МВ формальное определение. Взгляды исследователя на ЭВ несколько отличаются от вышеприведенных интерпретаций. ЭВ – это дополнительный параметр, который накладывается на основное значение возможности и выражает достоверность знаний субъекта о самой возможности. Эпистемическая маркированность предложения, в интерпретации Р. Дитриха, связана с выражением разной степени уверенности некоторого субъекта (вовсе необязательно с точки зрения говорящего) в определенном положении дел. При этом неуверенность соотносится с возможностью, а уверенность – с необходимостью.

Идея о существовании двух типов возможности прослеживается также в трудах других исследователей. Развивая идеи Н.Д. Арутюновой, С.Т. Нефёдов предлагает классификацию модусов, подразделяя их на эпистемический, волитивный и эмотивный тип. В этой классификации все модусы возможности относятся к эпистемическому типу, или эпистемической модальности. Последняя «связана с отражением двух когнитивных установок субъекта речи – модусов знания и мнения» [Нефёдов, 2007а: 34-35]. ОВ как возможность, связанную с объективной действительностью, можно считать разновидностью модуса знания, а ЭВ – разновидностью модуса мнения. В этом контексте еще раз становится очевидной нечеткость границ между ОВ и ЭВ: как отмечает С.Т. Нефедов «между модусами знания и мнения нет непроницаемых границ. Они легко переходят друг в друга, особенно когда отражаются в обыденной речи» [там же].

1.1.3 Определение понятия *модальности возможности* через значения глаголов *können* и *mögen*

Совершенно иной подход к интерпретации модуса возможности представлен в исследованиях Е.А. Крашенинниковой. В качестве основного носителя значения МВ она выделяет глагол *können*, все семантические оттенки которого – возможность в собственном смысле слова, умение¹, способность, просьба, предположение, по ее мнению, так или иначе связаны с понятием возможности [Крашенинникова, 1958: 21-34].

Хотя Е.А. Крашенинникова также пишет об объективной и субъективной возможности, эти два понятия, как следует из приведенных примеров и пояснений, не имеют никакого отношения к ОВ и ЭВ (см. разд. 1.1.2) и принятому в отечественных и зарубежных грамматиках делению на объективную и субъективную модальность [см. Булыгина, Шмелев, 1997: 210-211; Шведова, 1980д; Hentschel, 2013; Нефёдов, 2007б; Meyer, 1989]. При определении субъективной возможности Е.А. Крашенинникова выдвигает на первый план понятие воли: субъективная возможность отличается от объективной наличием условий, зависящих от воли человека [Крашенинникова, 1958: 22]. Однако из примеров, которые приводит исследователь, не следует релевантность выделения таких типов возможности для перевода соответствующих конструкций на русский язык. Так, например, глагол *können* в предложении «*Er kann es sich vorstellen*», по мнению автора, выражает объективную возможность, а в

¹ Принадлежность к МЗВ, находящегося, как кажется, на его периферии глагола *können* в значении умения или способностей, или т.н. интрасубъективной возможности, отмечается также в грамматике «Дуден» [Duden, 2016:572]. Присутствие такого модального смысла в научном тексте вполне мыслимо. Из этих соображений, вслед за Е.А. Крашенинниковой, в настоящей работе модус умения или способностей принимается как часть модуса возможности.

предложении «*Er kann das nicht mehr aushalten*» – субъективную. При этом оба предложения передаются с помощью русского глагола *мочь*² [там же].

1.1.4 Формальное определение понятия *возможности*

Выше (разд. 1.1.2) был представлен формализованный способ интерпретации понятия ЭВ и ОВ Е.И. Беляевой и С.Н. Цейтлин. Формальное определение МВ дает также Р. Дитрих. Прототипическое выражение возможности он условно обозначает как «*kann-p*», где *p* – пропозиция некоторого предложения, содержащего значения модальности [Dietrich, 2009: 37-48]. Отсюда следует, что, как и многие другие исследователи, о которых упомянуто в этой главе, автор считает базовым способом выражения возможности глагол *können*.

По Р. Дитриху, предложения с МЗВ содержат в себе два предиката и, соответственно, два утверждения о действительности, а также отсылают к двум точкам соответствующего временного промежутка. Хотя в целом предложение с МЗВ оставляет вопрос о достоверности некоторого обстоятельства открытым, оно содержит в себе утверждение о достоверности самой возможности.

Итак, возможность, по Дитриху, значит, что: а) вопрос о достоверности некоторого *p*, обозначающего пропозицию модального предложения, открыт; б) достоверно по крайней мере еще одно положение *q*; в) достоверно отношение совместимости *p* и *q* в некотором временном

² Заметим, что семантика глаголов *мочь* и *können* несколько отличается. В электронном толковом словаре «Дуден онлайн» выделяется шесть основных значений глагола *können*: ‘быть в состоянии’; ‘иметь возможность’; ‘иметь право’; ‘вероятно, иметь место’; ‘быть возможным’; ‘быть способным’ [D]. Семантика глагола *мочь*, согласно электронной версии словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, не столь разветвлена. В словарях отмечается лишь два основных его значения: ‘иметь возможность’, ‘быть в состоянии’. Если же рассматривать также значения предикатива *можно* и других слов с корнем /*мог*/, то в совокупности они имеют приблизительно те же значения [ТСРЯ].

промежутке t ; г) существует основное отношение/ основные отношения³, устанавливаемые отношением p и q . Таким образом, МЗВ связано с некоторым множеством пропозиций – т.е. с предпосылками (q), с которыми оно совместимо, или иными словами, которым оно не противоречит.

В логических определениях МЗВ отечественными исследователями, например, в работе И.Р. Федоровой [Федорова, 2000: 6-9], множеству пропозиций q , т.е. «условиям для возникновения возможности» соответствует понятие детерминирующей ситуации, а отношениям между детерминирующей ситуацией и возможностью – понятие детерминирующего фактора [там же].

Попытка логического определения возможности приводит к довольно широкому пониманию этого концепта. Например, И.Р. Федорова относит к способам выражения детерминирующего фактора возможности сложные предложения с различными придаточными, в т.ч. с придаточными условия. Такое же широкое понимание возможности встречается и у других исследователей, например, в работах [Эслон, 1986; Eisenberg, 2006 и др.]. Здесь встает вопрос о релевантности включения такого типа маркеров МЗВ в круг наших исследовательских интересов, тем более что П.А. Эслон отмечает характерность вышеназванного способа выражения только для одной конкретной разновидности этого значения, которую она называет объективно-обусловленной возможностью [Эслон, 1986: 70].

1.1.5 Шкала вероятности и модальность возможности

Довольно лаконично понятие МВ определяются в трудах Р. Кресты. С точки зрения исследователя, в группу модальных форм возможности

³ Основные отношения – это семантическая зависимость между аргументом и предикатом, т.е. то, что определяет достоверность некоторого утверждения: эмпирически замеченная взаимосвязь, конвенционально установленное положение дел и т.д. Р. Дитрих выделяет пять зависимостей такого рода [там же].

входят модальные глаголы и прочие модальные конструкции, с помощью которых автор текста отмечает действие, обозначенное пропозицией, как возможное («möglich») или несомненное («sicher») [Kresta, 1995: 112,113]. Таким образом, в своем определении он достаточно сильно отходит от лексического значения слова «возможность», включая в это понятие также и значение уверенности.

В этом контексте уместно упомянуть шкалу вероятности Дж. Лича и Дж. Свартвика (Scale of Likelihood), на которой располагаются все модальные значения. Две крайние точки шкалы – невозможность (impossibility) и уверенность, или логическая необходимость (certainty). Промежуточные значения – возможность (possibility), вероятность (probability), невероятность (improbability) и возможность в смысле способности (ability), или теоретическая возможность (theoretical possibility) [G. Leech and J. Svartvik, 1980 // A communicative Grammar of English, цит. по Meyer, 1989]. Как видим, с учетом точки зрения Р. Кресты, к понятию возможности можно отнести практически все значения, расположенные на «шкале вероятности». Разумеется, такой подход слишком расширил бы границы настоящего исследования.

Итак, обзор точек зрения на МВ показал, что границы этого понятия довольно широки. В настоящей работе принимается точка зрения, согласно которой существует два типа возможности: ОВ как ингерентно свойственная сущностям способность и ЭВ как оценка достоверности сообщаемого с позиций автора (или иного субъекта).

Для того чтобы определить место МВ в лингвистических статьях, в следующем разделе рассматриваются основные черты языка науки, коммуникативно-функциональной разновидностью которого, в частности, является язык лингвистической статьи.

1.2 Основные черты языка науки

1.2.1 Три «табу» научного стиля

Особенности научного стиля (вслед за Х. Вайнрихом [см. Weinrich, 1989]), Х.Л. Кретценбахер характеризует тремя принципами, которые он не без умысла называет «табу»: «табу на 'я'», «табу на метафоры», «табу на повествование» [Kretzenbacher, 1994: 26]. Слово *табу* выражает их беспричинность, общепризнанность, каноничность, или, как отмечает сам исследователь, указывает на то, что эти запреты – «абсолютные, невысказанные, непререкаемые» [там же]. Соответствуя эталону т.н. «прозрачного языка», т.е. языка науки, максимально точно облекающего мысль в слова и, тем самым, не отвлекающего от познавательной функции научного текста (подробнее об этом см. там же: 21-26), эти запреты никоим образом не являются залогом достижения этого идеала. Напротив, в первую очередь, они как будто бы призваны выполнять коммуникативную функцию в научном тексте, являясь «приемом убеждения партнера по коммуникации» [там же: 34]. Три табу научного стиля «внушают» адресату полную независимость знания от субъекта и от участников коммуникации, абсолютное единообразие восприятия научных фактов разными людьми и отсутствие необходимости в посредничестве человека при передаче научных знаний [там же]. Иными словами, они являются средством воздействия на читающего или слушающего.

Таким образом, следуя рассуждениям Х.Л. Кретценбахера, нельзя рассматривать эти запреты как отражение объективности и точности научного стиля. Эта позиция во многом перекликается с современными исследованиями о различных стилистических методах воздействия в научном тексте на читателя, таких как «хеджинг» (*hedging*; об этом см. п 1.2.2).

Самым непосредственным образом особое место модальности в научном тексте определяется запретом на «Я», или принципом избегания эксплицитной авторизации. Этот запрет, как подчеркивает Х.Л.

Кретценбахер, приводит к необходимости применения таких косвенных модальных конструкций, как, например, «*man konnte 'x' beobachten*» и «*'x' war zu beobachten*» [там же: 28].

Собственно, именно запрет на эксплицитную авторизацию способствует появлению многих неявных средств авторизации. Среди них особое место занимают модальные слова. Свойство модальных слов выражать отношение к тому или иному предмету рассмотрения при отсутствии агенса хорошо сочетается со стремлением научного стиля к избеганию местоимений первого лица (прежде всего, единственного числа). На использование эпистемических модальных средств, в т.ч. модальных слов в контексте запрета на «Я» указывает С.Т. Нефедов [Nefedov, 2014; Нефёдов, 2014].

Избегание эксплицитной авторизации, которое зачастую приводит к использованию *SpV MB*, в работах Т. Штайнхоффа трактуется как способ отодвинуть автора текста на задний план, а предмет обсуждения – на передний. Таким образом, в отличие от Х.Л. Кретценбахера, который рассматривает «табу на 'Я'» как средство убеждения, Т. Штайнхофф, в первую очередь, делает упор на требование научного мира к интерсубъективности научного дискурса, т.е. к достижению его объективности посредством контроля, осуществляемого научным обществом [Steinhoff, 2007: 112-120].

В понятии интерсубъективности на передний план выступает коммуникативный фактор, который в научном дискурсе играет немалую роль. На первый взгляд, последнее утверждение вступает в некоторое кажущееся противоречие с самим концептом научного стиля. Так, например, по мнению Н.В. Кириченко, научный стиль характеризуется «абстрагизацией (отвлеченно-обобщенностью), подчеркнутой логичностью, точностью, ясностью и объективностью изложения, его последовательностью, терминированностью, логизированной оценочностью, именным характером речи, некатегоричностью изложения»

[Кириченко, 2006: 242]. Т. Штайнхофф отмечает общее стремление научного стиля к вещественности, однозначности, экономичности и анонимности [Steinhoff, 2007: 10-19]. Казалось бы, эпистемический фактор в этих определениях вытесняет коммуникативный [см. также Kretzenbacher, 1994]. Однако, согласно позиции К. Элиха, в научном тексте фиксируется не только передача содержательно-фактуальной информации, или объективное отражение изучаемого объекта, но и сам процесс аргументации, отражающий дискурсивный характер научного текста, т.е. его обращенность к пространству научной профессиональной коммуникации с её дискурсивными нормами и позициями речевых субъектов [Ehlich, 1993: 24-31].

1.2.2 Социально-коммуникативное измерение научного текста

В трудах Р. Кресты социально-коммуникативное измерение научного текста получает название «интерперсональности» и характеризуется как категория, отражающая одну из основных функций речи и имеющая большое значение также и для научных текстов [Kresta, 1995: 29-38]. В определении Р. Кресты «интерперсональность – явление, присутствующее во всех языковых высказываниях, позволяющее обозначить коммуникативную роль создателя текста», которая охватывает отношения участников коммуникации [там же: 36, 37]. Иными словами, интерперсональность есть любое указание на присутствие в тексте автора и его адресата. Через понятие интерперсональности могут быть интерпретированы многие свойства языка науки, в т.ч. и особая роль модальных конструкций, например, конструкций с включением модального глагола *können*, наречий предположения (Vermutungs-

Adverbien) и прилагательных возможности⁴ (Möglichkeiten-Adjektive) и др. [там же: 96-115].

В тесном родстве с категорией интерперсональности находится целый ряд терминов и понятий (подробнее об этом Kresta, 1995). В связи с модальностью наиболее релевантным оказывается понятие «хеджинга», или «отгораживания» (hedging). «Хеджинг» – прием смягчения утверждений, или стратегия осторожного формулирования, нередко осуществляемая с помощью CpB MB [Meyer, 1997: 21-42; Thue, 2006: 61-87; Vázquez, 2008: 171-190; Kresta, 1995: 94]. Как отмечает П.Г. Майер, роль методов хеджинга в письменном научном дискурсе кардинально отличается от их роли в устной повседневной коммуникации. В то время как в устной коммуникации применение стратегий осторожного формулирования служит признаком уязвимости говорящего и способствует сохранению хороших отношений коммуникантов, т.е. является приемом вежливости, в письменном научно-академическом дискурсе оно скорее способствует усилению аргументации [Meyer, 1997: 21,22; Thue, 2006: 62].

Использование приемов смягчения утверждений в научных текстах может трактоваться не только как способ повышения аргументативности утверждений, но и как коммуникативная стратегия «подстраховки» от возможных критических реакций потенциальных читателей и по совместительству оппонентов. Такая интерпретация представлена в работах С.Т. Нефёдова [см., например, Нефедов, 2016б: 115].

Чаще всего с приемами хеджинга связано употребление эпистемических модальных конструкций [см. Thue, 2006]. Последние включают также MB (см. разд. 1.1). Перечень приемов хеджинга не является строго ограниченным [см. Meyer, 1997: 23]. Одним из средств

⁴ Наречия и прилагательные возможности во многих исследованиях получают название модальных слов и рассматриваются как отдельная часть речи [см. там же: 95; Нефедов, 2007а: 37-41].

осторожного, вежливого и некатегоричного формулирования являются модальные глаголы. Последние, как отмечает Т. Штайнхофф, могут употребляться, например, при формулировании гипотез [Steinhoff, 2007: 230-234].

В связи с дискурсивной стороной научных текстов в литературе обсуждается не только прием смягчения утверждений, но и категория «концессивной», или «уступительной» аргументации (*konzessive Argumentation*) [там же: 123]. Концессивная аргументация – это своего рода стратегия предвосхищения аргументов воображаемых оппонентов. Как отмечают многие исследователи, концессивная аргументация, как и другие аргументативные структуры, является весьма характерной чертой НК (там же; Ehlich, 1993: 22-34). Структуры уступительного аргументирования в немецком языке нередко воплощаются в использовании модальных слов, позволяющих автору текста оставлять комментарии, не имеющие агенса [Steinhoff, 2007: 347-359]. Эти комментарии могут иметь в т.ч. и эпистемический характер, выражая догадки и предположения составителя текста. Т. Штайнхофф считает концессивное аргументирование и использование в этом контексте модальных слов отражением стремления научного стиля к объективности [там же: 348]. На особое место модальных глаголов в структурах аргументации научного дискурса указывает А. Реддер [см. Redder, 2001].

Коммуникативный аспект научного дискурса в работах Т. Штайнхоффа рассматривается также в связи с понятием «функциональной области научного текста»⁵ (*Funktionsbereich wissenschaftlicher Texte*), которое, в свою очередь, имеет непосредственное отношение к понятию

⁵ Говоря о «функциональных областях научного текста», Т. Штайнхофф предполагает, что типичные речевые действия связаны с решением определенных коммуникативных задач научного текста, т.е. с определенными прагматическими сферами [Steinhoff, 2007: 118-120].

«научной текстуальной процедуры»⁶ (Wissenschaftliche Textprozeduren) [Steinhoff, 2007: 118-120]. Приведенный в работе автора пример помогает понять практическое значение этих терминов и их взаимосвязь между собой: использование конструкций страдательного залога может служить выражением типичного речевого действия, т.е. «научной текстуальной процедуры», которая выполняет функцию имплицитной отсылки к автору текста и образует «функциональную область отсылки к автору» (Verfasserreferenz). Условно ее можно назвать также областью воплощения принципа «табу на ‘Я’». Исследователь выделяет пять основных областей, влияющих на типичные процедуры порождения научного текста: отсылка к автору текста, интертекстуальность, уступительная аргументация, критика текста и образование понятий [там же: 119-125].

Идея о существовании типичных смыслов и функций научного текста, вербализующихся в характерных, зачастую шаблонных языковых средствах, представлена также в трудах В.Е. Чернявской и Х. Файльке [Feilke, 2012: 1-31; Чернявская, 2014: 9-20]. Как подчеркивает В.Е. Чернявская, стереотипность коммуникативных функций и языковых выражений текста, т.е. «надындивидуальный» способ формулирования, отражающий включенность научных текстов в коллективный процесс научного познания (см. также Гончарова, 2008), способствует лучшему восприятию индивидуальных идей автора [Чернявская, 2014: 9-20]. Следовательно, шаблонность языковых выражений обнаруживает коммуникативную направленность языка науки.

Включенность текстов научного дискурса в процесс коллективного научного творчества отражается в понятии интертекстуальности, которому уделяется большое внимание в работах В.Е. Чернявской [Чернявская, 2000]. Интертекстуальность проявляется здесь прежде всего через опору на

⁶ «Научные текстуальные процедуры» Т. Штайнхофф понимает как типичные речевые действия участников НК, которые находят определенное выражение в научном тексте [там же].

«старое» базисного знание (или т.н. «эвидентный базис науки», в терминологии В.В. Ильина [Ильин, 1989: 98]) или через прямое и косвенное цитирование работы своих предшественников. Этап порождения научного текста, на котором происходит «актуализация авторского знания», характеризуется применением лексико-грамматических средств, таких как глаголы *annehmen*, *vermuten*, *voraussetzen*, *voraussehen* в сочетании с модальными глаголами и инфинитивными оборотами, модальные слова *vermutlich*, *anscheinend*, *wahrscheinlich*, *möglicherweise*, *wohl*, синтаксические обороты *es gibt Gründe zu denken* и т.д. [Чернявская, 2000: 10-11; 24-32], т.е. со способами выражения возможности и гипотетичности (последняя, в нашем понимании, входит в семантическое пространство возможности). Наблюдения, согласно которым в научных текстах существует тенденция к модализации утверждений при представлении нового авторского знания, или собственного вклада в науку, представлены также в трудах С.Т. Нефёдова [Нефёдов, 2016в: 112-116].

Таким образом, существует ряд особенностей НК, определяющих особую грамматику [см. Gee, 2014: 162-167] текстов научного дискурса. К ним относятся три «табу» НК, среди которых наиболее непосредственным образом с категорией модальности связан запрет на «Я». Кроме того, наиважнейшим конституирующим элементом научного стиля является социально-коммуникативное измерение научного текста. Последнее обсуждается в трудах многих авторов и находит выражение в таких понятиях как интерперсональность, интертекстуальность, интересубъективность и др., а также рассматривается в связи с различными стратегиями научной аргументации, такими как прием смягчения утверждений, concessивная аргументация, стратегия «подстраховки» от возможных возражений оппонента и т.д. Все вышеназванные свойства НК определяют особую роль МВ в текстах научного дискурса, которая в

немецком языке очень часто вербализуется с помощью модальных глаголов и модальных слов.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что возможность в научном тексте в строгом смысле слова возможностью не является: чаще всего она призвана выполнять свои собственные, весьма характерные для научного текста функции. При этом СрВ МВ вовсе не отражают неуверенность исследователя. Напротив, иногда даже они призваны усиливать аргументацию и являются частью стратегии убеждения [см. Meyer, 1997].

1.3 Научная статья как тип лингвистического текста

Как известно, язык науки – понятие неоднородное. Он имеет множество разновидностей [см., например, Löffler, 2010: 103-111]. Поскольку настоящее исследование посвящено изучению коммуникативного жанра «лингвистическая научная статья», рассмотрим некоторые особенности структуры этого типа текста.

Довольно большое внимание описанию лингвистической статьи уделяет Р. Креста [Kresta, 1995: 44, 48-49]. Исследователь подчеркивает, что лингвистическая статья – тип текста, создаваемый специалистами для специалистов, т.е. используемый исключительно в профессиональных кругах. При этом он обращает внимание на большое сходство научной статьи с монографией, определяя ее как «монографию в сжатом виде». Это сходство, с его точки зрения, обусловлено, прежде всего, центральной ролью новизны в обоих типах текста. Как и в монографии, в основе статьи лежит рассмотрение либо новых тем, либо старых тем под новым углом зрения. Структуру лингвистической статьи Р. Креста обрисовывает с помощью трехкомпонентного строения, складывающегося из аннотации (краткого содержания, или вступления), описания и обсуждения.

Эта схема значительно сокращена по сравнению с пятикомпонентной схемой, принятой для научных статей Американским

национальным институтом стандартов и состоящей из аннотации, вступления, материалов и методов, результатов и обсуждения [см. Piqué, 2000; Nwogu, 1997]. Как отмечает Р. Креста, присутствие всех трех компонентов в одной статье вовсе не обязательно, напротив, членение лингвистических статей, по сравнению со статьями других областей науки, значительно варьируется. Чаще всего опускается аннотация. Также нередко отсутствует четкое разделение описания и обсуждения. Наиболее точно трехкомпонентная структура представлена в лингвистических статьях, посвященных описанию эксперимента [Kresta, 1995: 48,49].

По сути, вышеприведенное членение научного текста на три части – своего рода каркас для более подробного его дробления, представленного, например, в трудах В.Е. Чернявской [Чернявская, 2006: 63-97; Чернявская, 2000: 33-34]. Исследователь выделяет в первичных научных текстах следующие композиционно-прагматические сегменты (КПС): *характеристика темы/предмета исследования; история вопроса; постановка целей и задач исследования, формулировка проблемы, выдвижение гипотезы; доказательство; описание эксперимента; выводы; научный прогноз*. Похожим образом предлагают членить научные тексты Л.Р. Дускаева и О.В. Протопопова, в работе которых перечисленные КПС получают название коммуникативных блоков [Дускаева, Протопопова, 2006: 163-167].

Идея членения научного текста на блоки по коммуникативно-прагматическому признаку встречается в работах также и других исследователей [ср., например, Баженова, 2009; Крижановская, 2006; Swales, 1990]. Общим моментом в трудах названных исследователей можно считать представление о том, что формально-языковая и содержательная сторона определенного сегмента научного текста определяются авторским замыслом, коммуникативной установкой и разными компонентами научно-познавательской деятельности.

Если рассматривать концепцию В.Е. Чернявской, то интересной является попытка выделения лексических маркеров, соответствующих отдельным КПС [подробнее см. Чернявская 2006: 71-97]. Опираясь на идеи В.Е. Чернявской, Э.Г. Мхитарьянц проводит исследование МВ и необходимости в немецкоязычных социологических и биологических статьях и отмечает преобладание маркеров возможности в следующих КПС: *формулировка проблемы исследования; выдвижение гипотезы; выводы* [Мхитарьянц, 2007:105-109].

Из того же семантико-прагматического принципа исходят и другие исследователи, производя членение научных текстов. Опираясь на структуру научных статей, принятую Американским национальным институтом стандартов (см. выше), К.Н. Нвогу разрабатывает детальную схему, описывающую строение медицинских англоязычных статей⁷. Она состоит из 11 сегментов, в совокупности членимых на 26 элементов [Nwogu, 1997: 135]. Подробное рассмотрение всех компонентов не представляется целесообразным, поскольку количество и качество составляющих в статьях других дисциплин (а также на других языках) может сильно отличаться (тем более что абсолютная точность этой схемы не подтверждается в дальнейших исследованиях даже для англоязычных медицинских статей [см. Piqué, 2000]), однако, как кажется, в грубых чертах эта схема применима также и к лингвистическим статьям, особенно если учесть, что цель настоящего обзора – сугубо практическая.

По мнению К.Н. Нвогу, со структурно-композиционной и семантико-прагматической точки зрения научные статьи делятся на *описание вводных положений; рассмотрение родственных исследований; описание самого*

⁷ При членении статей К.Н. Нвогу учитывает целый ряд признаков (таких как лексические значения, пропозициональное содержание, иллокутивная сила и т.д.), придающих сегменту единообразную смысловую направленность и однородное содержание [там же: 122]. Сегменты делятся на конститутивные элементы (slots), являющиеся типичным способом отображения информации в сегментах.

исследования; описание процедуры сбора данных; описание эксперимента; описание процедуры анализа данных; указание на совместимые наблюдения; указание на несовместимые наблюдения; выделение общего результата исследования; объяснение отдельных его результатов; подведение итогов исследования [там же: 135].

Так или иначе, все описанные способы членения статьи опираются на семантико-прагматические характеристики того или иного композиционного сегмента. Как кажется, наиболее универсальной и применимой ко всем лингвистическим статьям является схема В.Е. Чернявской.

1.4 Способы выражения модальности возможности

1.4.1 Способы выражения модальности возможности в немецком языке

В качестве одного из центральных способов выражения МВ в немецком языке, как и в других германских языках, выступают модальные глаголы [см., например, Зверева, 1983: 22; Крашенинникова, 1958 и др.]. О существенной роли модальных глаголов со значением возможности в научном дискурсе пишут, например, Т. Штайнхофф [Steinhoff, 2007: 230-234], Р. Креста [Kresta, 1995: 100-115], Э.Г. Мхитарьянц [Мхитарьянц, 2007] и др. Значения, входящие в семантическое пространство возможности, фиксируются у глаголов *können*, *dürfen*⁸, *mögen*⁹, *lassen* (в

⁸Глагол *dürfen* здесь рассматривается только в форме претерите конъюнктива, семантику которой Е.А. Крашенинникова характеризует как «вежливое, внешне нерешительное, но по существу уверенное предположение» [Крашенинникова, 1958: 55], что соответствует эпистемическому значению возможности [см. также Duden, 2016: 573]. Другие грамматические формы этого глагола, в соответствии с принятой в настоящей работе точкой зрения на МВ, не содержат МЗВ. На русский язык конструкции с глаголом *dürfen* Е.А. Крашенинникова предлагает передавать вводными модальными словами и словосочетаниями (*кажется, возможно, по-видимому*, и др., а

сочетании с частицей *sich*) и *(er)scheinen* [см., например, Крашенинникова, 1958: 6-13; Dietrich, 1992: 56-58; Duden, 2009: 549; Duden, 2016: 571-577; Brinkmann, 1962: 359-375; Eisenberg, 2006: 90-99; Kresta, 1995; Engel, 1993: 108-109 и др.], а в некоторых контекстах, как отмечено в [Zifonun, 1997: 1882-1918], и у глагола *werden*. При этом, как подчеркивает Е.А. Крашенинникова, главным средством передачи МЗВ в немецком языке являются конструкции с модальным глаголом *können*¹⁰, которые она предлагает переводить на русский язык глаголом *мочь*, модальными наречиями *можно*, *невозможно*, *нельзя*, глагольными сочетаниями *иметь возможность*, *получить возможность*, модальными словосочетаниями *быть в силах*, *быть в состоянии*, глаголом *уметь*, нередко также и изъявительным наклонением, модальными словами *возможно*, *вероятно*, также вводными модальными предложениями, такими как *я думаю*, *я полагаю* и др.) [Крашенинникова, 1958: 41-43].

⁹ Глагол *mögen* может использоваться с инфинитивом I или II и имеет, как считает Е.А. Крашенинникова, два значения – собственно возможности и предположения [Крашенинникова, 1968: 51-58]. Оба значения, в соответствии с принятой в настоящей работе точкой зрения на МВ, относятся к понятию ЭВ, поскольку в семантике глагола *mögen* с инфинитивом в любом контексте представлена сема допущения. Этот факт отмечен также в грамматике «Дуден» [Duden, 2016: 575].

¹⁰ Как считает Е.А. Крашенинникова, значение *предположения* (ЭВ) свойственно глаголу *können*, если он употребляется с инфинитивом I или II (возможность в прошлом или настоящем). В этом же значении и в таком же контексте может использоваться и глагол *können* в претерите конъюнктива (*könnte*) [Крашенинникова, 1958: 28-31]. Глагол *können* (а также глаголы *dürfen* и *mögen*) нередко употребляются также с местоимением *man* и довольно часто с наречием *vielleicht* и словосочетанием *Vermutung äußern*. Согласно исследованиям Т. Штайнхоффа, в научных текстах довольно часто употребляется также сочетание страдательного залога с модальными глаголами типа N + *können* + V (Part. II) + *werden*, близкое по значению к ранее упомянутому сочетанию модального глагола и местоимения *man*, но, в отличие от последнего, еще больше акцентирующее внимание реципиента на процессе, а не на агенте [см. Steinhoff, 2007: 227-234; 249 и далее].

наверное, верно, очень возможно, может быть и т.д. (подробнее об этом в разд. 1.4.2) [Крашенинникова, 1958: 21,25-26; 28-31].

К лексическим СрВ МЗВ в немецком языке относятся также отглагольные прилагательные, образованными с помощью суффикса *-bar*, а иногда и *-lich* или *-fähig* [см. Dietrich, 1992: 60; Duden, 2009: 549 и др.].

Еще одним СрВ МЗВ выступает конструкция *sein+zu*, или т.н. модальный инфинитив [см. Dietrich, 1992: 63; Duden, 2009: 562; Zifonun, 1997: 1897-1898; Brinkmann, 1962: 346; Metzler-Lexikon Sprache, 2016: 437 и др.]. Та же самая конструкция в грамматике Х. Вайнриха получает название модального пассива (Modalpassiv) [Weinrich, 1993: 163-164]. Как отмечено в [Zifonun, 1997: 1897-1898], модальный инфинитив нередко сопровождается наречиями *leicht, schwer, angenehm, beschwerlich, kaum* и др. На особую типичность для научного дискурса модального инфинитива обращает внимание, например, Д. Холь [Holl, 2001:217-238].

К лексическим средствам выражения возможности, весьма существенным для научных текстов [см. Нефедов, 2016а, Нефедов, 2016б], относятся также модальные слова (Modalwörter, Vermutungsadverbien, Sicherheitsgradadverbiale; о терминологии и характеристике модальных слов см. подробнее Hoberg, 1973; Нефедов, 2007а; Helbig/Helbig, 1990). Поскольку в данной работе они будут рассматриваться как маркеры МВ, целесообразно составить максимально полный список модальных слов со значением возможности. Этот список, который получен в результате сопоставления целого ряда грамматик и справочников немецкого языка [Helbig/Buscha, 1996: 506-509; Helbig/Helbig, 1990; Hoberg, 1973; Kresta, 1995: 100; Duden, 2009: 587; Weinrich, 1993: 599; Миронова, 1991: 17 и др.], включает следующие слова: *allem Anschein nach, anscheinend, augenscheinlich, bestimmt, etwa, eventuell, hoffentlich, kaum, möglichenfalls, möglicherweise, mutmaßlich, offenbar, scheinbar, schwerlich, vermutlich,*

*vielleicht, voraussichtlich, wahrscheinlich, wahrscheinlicherweise, wohl, womöglich, wünschenswerterweise*¹¹.

Модальные частицы самостоятельными СрВ МЗВ не являются, однако, как отмечает Н.Н. Миронова, они могут употребляться для усиления модальных оттенков предположения. Исследователь выделяет целый ряд модальных частиц со значением предположения: *auch, bloß, denn, durchaus, eben, erst, etwa, ja, mal, noch, nur, schon* [Миронова, 1991: 18-19]. Большая часть из них все же является довольно спорной. В силу их зависимости от других модальных средств и от контекста в дальнейшем (при статистическом анализе) они учитываться не будут. Подробное описание модальных частиц в немецком языке дает М. Квон. Среди прочего исследователь выделяет частицы *halt* и *eben*, характерные для устной речи, но выражающие модальное значение возможности [Kwon, 2005: 55-61].

К лексическим СрВ МЗВ нередко относят также глаголы с семантикой предположения (*Verben des Meinens*): *annehmen, scheinen, vermuten, glauben, halten für, denken* и др. [Миронова, 1991: 16; Kresta, 1995: 102]. В настоящей работе они не будут рассматриваться, поскольку предположение здесь представлено скорее на денотативном уровне, чем на уровне модальности. Кроме того, потребовалось бы расширить представленное в разд. 1.1 понимание понятия МВ и круг исследовательских задач данной работы, что кажется нецелесообразным. Например, пришлось бы учитывать целый пласт других способов

¹¹ Некоторые из приведенных слов можно рассматривать не как модальные слова, а как частицы [см., например, Миронова, 1991: 18-19], однако эти терминологические различия ввиду целей настоящего исследования не имеют большого значения. Кроме того, некоторые из перечисленных слов используются не только для выражения МВ. К ним относятся слова *kaum, wohl, etwa* (их же можно рассматривать и как частицы).

выражения мнения и оценки, среди которых словосочетания *meines Erachtens, meiner Meinung nach* и многие другие языковые средства.

К морфосинтаксическим средствам выражения возможности можно отнести т.н. модальное будущее (*modales epistemisches Futur*) и совершенное будущее (*Futurperfekt*) [Duden, 2009: 500-509]. Разница в значении заключается во временной соотнесенности пропозиционального содержания: в первом случае – это настоящее или будущее, а во втором – прошлое. Маркером возможности в настоящем исследовании будет служить глагол *werden*, который, как было упомянуто выше, некоторыми исследователями в некоторых контекстах рассматривается как модальный.

Еще одним морфосинтаксическим средством выражения возможности в немецком языке является претерит конъюнктива [см. Brinkmann, 1962: 355; Duden, 2009: 519 и далее]. Надо отметить, что не всегда претерит конъюнктива служит для выражения МЗВ. Кроме того, при статистических подсчетах необходим конечный инвентарь глагольных форм. Самые употребительные глаголы в конъюнктиве приводятся в грамматике немецкого языка под ред. Г. Цифонун и др. [Zifonun, 1997: 1784-1786]. Это модальные глаголы, а также глаголы *werden, haben, sein, kommen, gehen, wissen, geben*, реже *tun, halten, gebrauchen, finden, bringen*. При определении общей употребительности конъюнктива как СрВ МВ в немецкоязычных статьях следует отталкиваться от частотности форм претерита конъюнктива вышеприведенных глаголов.

Редким и спорным, но вполне мыслимым для научного текста способом выражения МЗВ является т.н. генерическая возможность (*generische Möglichkeit*), т.е. возможность, основанная на качественных признаках объекта, которую описывает П. Брандт [Brandt, 2009]. Формально она выражается с помощью глагола с возвратным местоимением *sich* и качественного наречия. В качестве прототипа генерической возможности П. Брандт приводит предложение: *Die Trakehner reiten sich gut*. По аналогии к генерической возможности можно

было бы отнести такие предложения, как: *'x' findet sich einfach in 'y'; 'x' leitet sich einfach aus der Formel ab* и подобные.

Кроме того, МЗВ может выражаться лексикализованными словосочетаниям или глагольно-именными словосочетаниями с существительными *Möglichkeit, Vermutung, Annahme*, такими как: *Es besteht die Möglichkeit, dass; Es kommt die Vermutung auf, dass* и др. [см., например, Нефёдов, 2016а: 37; Мхитарьянц, 2007; Чернявская, 2006: 76].

1.4.2 Конструкции со значением возможности на русском языке

Так же как и немецкий, русский язык обладает богатой и разветвленной системой способов выражения МЗВ. МВ выражается здесь языковыми средствами трех уровней: лексическими, морфологическими и синтаксическими [см. Беляева, 1990; Эслон, 1986; Сон, 2009].

На лексическом уровне способом выражения возможности служит группа средств, нередко объединяемая термином «модальные модификаторы» [см. Беляева, 1990; Золотова, 2004: 320-330]. Сюда входят (модальные) глаголы *(с)мочь, (с)уметь, удалться, умудряться, умудриться* модальные предикативы (или наречия) *можно, нельзя, вправе, возможно, невозможно* и глагольно-именные словосочетания с краткими прилагательными и существительными *иметь возможность, быть в силах, быть способным* [Беляева, 1990; Плотникова, 1980б: 703; Сон, 2009: 85-125; Эслон, 1986: 42-55 и др.]. Кроме того, сюда можно отнести прилагательные *возможен, готов, способен* и существительные *возможность, право, умение, способность, сила, состояние, шанс, способ, готовность, повод, талант, ум* и др. [Сон, 2009: 85-125]. Поскольку некоторые из приведенных СрВ МВ многозначны и спорны, не все из них будут рассматриваться в настоящем исследовании. В частности, не будут рассматриваться прилагательное *готов* и существительные *повод, готовность, шанс, способ, талант, право* и *ум*.

Как отмечает И.И. Ковтунова, функцию предикативов *можно, нельзя, возможно, невозможно* иногда выполняют наречия *трудно,*

нетрудно, легко, нелегко и их лексические синонимы. При этом они являются менее категоричным СрВ МВ (или невозможности) по сравнению с вышеперечисленными предикативами [Ковтунова, 1980: 319].

К лексическим средствам выражения возможности можно отнести также модальные слова *наверное, наверняка, по-видимому, должно быть, вероятно, очевидно, видимо, может быть, авось* [см. Гатинская, 2007: 18].

К СрВ МВ Г.А. Золотова относит также т.н. полужнаменательные глаголы, не локализуемые во времени, т.е. глаголы, представленные в предложениях типа: *зал вмещает x посетителей; поезд развивает скорость у* [Золотова, 2004: 320-330]. Однако, как кажется, МЗВ в данном контексте является скорее окказиональным, что затрудняет статистические подсчеты.

Помимо лексических средств русский язык обладает целым рядом морфосинтаксических СрВ МВ. Прежде всего, это сослагательное наклонение (конъюнктив) и будущее время. Конъюнктив в русском языке – явление, в отношении которого отсутствует консенсус среди ученых. Необходимым (но не обязательно достаточным) признаком конъюнктива все же является частица *бы* [Schümann, 2010]. Последняя признается СрВ МВ во многих грамматиках и трудах [см. там же; Шведова, 1980е: 103; Эслон, 1986: 115-116]. Заметим, что данная языковая форма контекстуально зависима, что затрудняет статистические подсчеты, но не исключает их вовсе.

Кроме конъюнктива способом выражения МВ служит целый ряд средств, связанных с употреблением различных видо-временных форм глагола. К ним относится: употребление глаголов СВ в форме простого будущего, или т.н. настоящего будущего СВ в терминологии П.А. Эслон (предложения типа *В кармане его не вынесешь*) [Эслон, 1986: 42-55; Сон, 2009, 85-125; Плотникова, 1980а: 636-640]; потенциально-качественное употребление глаголов НСВ в форме настоящего при выражении повторяющихся ситуаций (предложения типа *Настя танцует, рисует,*

шьет) или СВ в простом будущем [Сон, 2009, 85-125; Бондарко, 1980б: 607-608]; наглядно-примерное употребление глаголов СВ в форме простого будущего (предложения типа *Кто сегодня поверит*) [Сон, 2009, 85-125]; употребление формы будущего сложного в контексте абстрактного настоящего (оттенок предположительного допущения) [Бондарко, 1980а: 633]. Заметим, что большая часть из приведенных способов относится к разговорному пласту языка. Слишком широкое толкование МВ лежит в основе конструкций с настоящим временем. В связи с вышесказанным в качестве маркера МВ в настоящей работе принимаются формы простого и сложного будущего времени.

К более редким синтаксическим СрВ МВ относятся различные инфинитивные конструкции: инфинитивные конструкции типа *где найти*, *не припомнить*, инфинитивные предложения с частицей *едва* типа *едва разминуться двум машинам*, фразеологизированные нечленимые предложения с акцентирующими и местоименными словами типа *есть куда пойти*, *есть с кем поговорить* [Сон, 2009: 85-125; Шведова, 1980а: 372, 373; Шведова, 1980в: 385; Эслон, 1986: 42-55]. По аналогии с последними П.А. Эслон относит к СрВ МВ обороты типа *есть основания полагать* [Эслон, 1986: 42-55]. Лексическим маркером (разумеется, контекстуально зависимым) здесь будет выступать инфинитив глагола *быть*.

Проводя очень подробную классификацию различных видов МЗВ, П.А. Эслон [там же: 79-85] выделяет т.н. пассивно-качественную возможность, выражаемую предложениями типа *Стекло легко моется*¹². По всей видимости, этот тип возможности – аналог описанной выше (в разд. 1.4.1) т.н. генерической возможности в немецком языке (*generische*

¹² В классификации П.А. Эслон предложения такого типа являются одним из множества подвидов пассивно-качественной возможности (к которым относятся также предложения типа *мне спится* и, среди прочего, предложения с глаголами *делаться*, *становиться*, *оказаться* в 3 лице ед. и мн. ч.).

Möglichkeit) в понимании П. Брандта (по аналогии с *Trakehner reiten sich gut* можно было бы сказать *Glas wäscht sich leicht*). В виду особой роли пассивных конструкций в языке науки, этот вид МВ не может быть оставлен без внимания при анализе научных текстов. Объективными признаками пассивно-качественной возможности описанного типа является невозможность введения агентивного дополнения, «всетемпоральная» пассивно-страдательная форма глагола НСВ, форма настоящего времени, чаще всего рефлексивные глаголы, а также наличие определителей положительной и отрицательной оценки (*легко, с трудом, хорошо, плохо*) [там же].

Таким образом, немецкий и русский языки обладают рядом лексических и морфосинтаксических СрВ МЗВ. В результате исследования удалось выделить основные маркеры МВ, представленные в таб. 1 (прил. 1).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

МВ неоднозначно трактуется в трудах отечественных и зарубежных исследователей, однако несомненным является ее противопоставление категории необходимости. Кроме того, прослеживается деление МЗВ на два основных типа, получающих в некоторых трудах название ОВ и ЭВ. ОВ как ингерентно свойственная сущностям способность коррелирует с представлением об объективной модальности, которая в отечественной филологии традиционно противопоставляется субъективной модальности. Последняя соотносится с понятием ЭВ как оценки достоверности сообщаемого с точки зрения субъекта. Предпринятый обзор подходов к МВ позволил сделать вывод о том, что основные смыслы, присущие понятию *возможности*, могут быть выражены через понятие ЭВ и ОВ.

Анализ работ, посвященных исследованию языка науки, показал, что в фокусе внимания современных исследований неизменно оказывается дискурсивное, или социально-коммуникативное, измерение научного текста. Традиционные максимы научного общения, в особенности табу на эксплицитную авторизацию, рассматриваются сквозь призму коммуникативного аспекта и трактуются как способ убеждения адресата. К субъектно-ориентированным высказываниям относятся также высказывания с МВ.

Особое внимание в рамках лингводискурсивного подхода к изучению НК уделяется прагматическому плану научных текстов. Немало исследований посвящено способам реализации стратегии смягчения утверждений, или хеджинга (*hedging*). Принято выделять перечень стратегий НК, в рамках которых варьируется категоричность утверждений. К ним относится стратегия подстраховки от возможных возражений оппонента, стремление к достижению объективности, концессивное аргументирование, необходимость избегания самообозначений через «Я», вежливое формулирование, смягчение утверждений и стремление к некатегоричности утверждений.

ГЛАВА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРПУСА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

2.1 Относительная частотность средств выражения

МОДАЛЬНОСТИ ВОЗМОЖНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ

Для получения максимально объективной информации о функциональном кластере высказываний с МЗВ в русских и немецких научных лингвистических текстах в настоящем исследовании были проведены сравнительно-сопоставительные количественные подсчеты их частотности. При этом предметом рассмотрения послужил конкретный набор грамматических СрВ МВ, представленный в первой главе данной работы (см. табл. 1, прил. 1) и составленный по результатам анализа ведущих грамматик, академических толковых словарей и справочников немецкого и русского языков.

В качестве отправной точки для квантитативного анализа, вслед за С.Т. Нефёдовым, в данной работе используется понятие текстовой предикации, основанное в частности на идеях В.Г. Адмони [Admoni, 1986: 219-222]. В.Г. Адмони рассматривает понятие предикативности сквозь призму семантико-смысловых отношений между главными членами предложения в немецком языке. Исходя из грамматики отдельных языков, отношение предикативности описывают также другие исследователи, например, Х. Вайнрих и Н.Ю. Шведова [см. Weinrich, 1993: 112; Шведова, 1980б: 13-14]. В соответствии с определением С.Т. Нефёдова, которое в равной степени применимо и к русскому, и к немецкому языку и на которое мы будем опираться в дальнейшем, текстовая предикация является «двухкомпонентн[ой] текст[ой] структур[ой], воплощающ[ей] динамическое развертывание пропозиционального содержания текста и состоящ[ей] из предикативно определяемого компонента (субъекта) и

преддицируемого признака (предиката)» [Нефёдов, 2016а: 35; см. также Nefedov, 2014; Нефёдов, 2014; Нефёдов, 2016б]. Из данного определения следует, что единицы лексического и морфосинтаксического уровня, которые находятся в фокусе внимания в настоящем исследовании, не выходят за рамки уровня предикации, поэтому эта единица членения текста является наиболее подходящей сопоставительной величиной. В качестве единицы членения текстов и дискурсов предикация принимается также в работах других исследователей, таких как А.А. Кибрик [Кибрик, 2009].

Количественные данные, которые будут представлены в дальнейшем, были получены в результате сплошного обследования 40 статей из ведущих немецкоязычных и русскоязычных научных лингвистических журналов (20 на немецком языке и 20 на русском языке), содержащих 22 443 текстовые предикации на 875 страницах печатного текста. Все статьи были опубликованы не ранее, чем десять лет назад, большая часть из них – не ранее, чем пять лет назад. Подсчеты проводились на базе основного текста статей, не включающего аннотацию, список литературы, цитаты и лингвистические примеры.

2.1.1 Результаты частотно-сопоставительного анализа

В результате проведенного анализа выяснилось, что наиболее частотным средством выражения возможности в лингвистических статьях на обоих языках являются модальные глаголы (9, 89% предикаций с модальными глаголами от общего количества текстовых предикаций в статьях на немецком языке и 6,19% в статьях на русском языке; см. табл. 2, прил. 2). При этом частотность модального глагола *können* (7, 45%) и русского глагола *мочь* (6, 19%) вполне сопоставима. Это показывает, что передача глагола *können* с помощью глагола *мочь* и наоборот в большинстве случаев не будет противоречить идиоэтническим особенностям НК на русском и немецком языках.

Как известно, немецкий язык обладает широко развитой системой модальных глаголов. С точки зрения частотности они также выстраиваются в определенную иерархию. После глагола *können* наиболее часто в значении возможности в научных статьях используются глаголы *lassen* (1,33%) и *scheinen* (0,65%). Наименее частотны высказывания с конъюнктивом глагола *mögen* (0,16%) и *dürfen* (0,14%). Частотность глагола *lassen* в немецкоязычных текстах занимает промежуточное значение между частотностью модальных слов (1,72%) и кратких отглагольных прилагательных, образованных с помощью суффикса *-им* (1,02%), в русскоязычных статьях; а частотность глагола *scheinen* соответствует частотности СрВ видо-временных отношений (0,74%), сослагательного наклонения (0,75%) и конструкций с существительными (0,61%) в русскоязычных текстах.

После модальных глаголов самыми частотными являются конъюнктив в немецком языке (2,21%) и модальные предикативы (2,35%) в русском языке. Затем следуют отглагольные прилагательные, образованные с помощью суффиксов *-bar* и *-fähig*, в немецких текстах (1,89%). Последние совпадают по частотности употребления с краткими и полными прилагательными (2,05%) и модальными словами (1,72%) в русских текстах.

Как показали наблюдения, в немецких текстах совпадает частотность прилагательных (1,19%), модальных слов (0,93%) и модального инфинитива (0,83%). Наблюдаемая разница в числовых значениях находится в пределах допустимой погрешности. Этим средствам выражения возможности, согласно подсчетам, соответствуют краткие отглагольные прилагательные, образованные с помощью суффикса *-им* (1,02%), сослагательное наклонение (0,75%), СрВ видо-временных отношений (0,74%) и конструкции с существительными (0,61%) в русскоязычных статьях.

Наименее частотным, но все же употребительным средством выражения возможности в немецкоязычных научных текстах является т.н. модальное будущее (0,16%). Это средство используется в 9 из 20 рассмотренных статей. А в научных текстах на русском языке наименее частотным средством выражения возможности (практически вовсе неупотребительным) являются инфинитивные обороты типа *Есть основания полагать* (0,04%). Этот оборот встречается только в 2 статьях из 20.

Если рассматривать общее количество СрВ МВ, то нетрудно заметить, что в текстах на немецком языке модальные средства со значением возможности используются на 2% чаще, чем в текстах на русском языке. Тем не менее максимальный показатель частотности высказываний со значением возможности (40,26%) был найден в русскоязычных статьях, и он значительно превышает соответствующий показатель в немецкоязычных статьях (23,42%). Минимальный показатель частотности модальных средств со значением возможности (5,59%), напротив, был выявлен в текстах на немецком языке. Как минимальный, так и максимальный показатели обусловлены специфическими для соответствующих статей смысловыми и композиционными особенностями: преобладанием фактической информации в виде графиков и рисунков и их описанием, не предполагающим модализацию, с одной стороны, и большим количеством однотипных синтаксических структур, включающих МЗВ, с другой стороны. Поэтому следует рассматривать эти показатели как исключение из правила, выявленного, как и принято в статистике, посредством анализа достаточно большой выборки.

Описанные выше и представленные в табл. 2 (прил. 2) соответствия проливают свет на некоторые особенности функционирования категории модальности в русско- и немецкоязычных научных текстах. Более конкретные закономерности использования высказываний со значением

возможности поможет раскрыть учет контекста [см. Auer, 1986] и дифференциация понятия возможности (учет существования ЭВ и ОВ).

2.1.2 Частотность разных типов модальности возможности в русско-и немецкоязычных статьях

Понятие МВ, как было отмечено выше, не является однородным. В настоящей работе принимается точка зрения, согласно которой существует два основных вида МЗВ: ОВ и ЭВ (см. разд. 1.1.5) [ср. Булыгина, 1997: 210 и далее]. Трудность при попытке выстроить систему соответствий между способами выражения МВ в русскоязычных и немецкоязычных статьях заключается в том, что одни и те же средства грамматики могут выражать совершенно разные модальные смыслы. Поэтому только частотных показателей недостаточно. Необходимо привлечь также частотно-семантические данные. В основе частотно-семантического сопоставительного анализа высказываний с онтологическим и эпистемическим значением лежит гипотеза о том, что существуют языковые конструкции, включающие вышеперечисленные СрВ модальности, используемые исключительно для передачи эпистемического или онтологического значения возможности. Эмпирические данные, учитывающие существование двух типов возможности и полученные на описанном выше корпусе статей, помогут более точно охарактеризовать прагматические аспекты употребления средств ее выражения, а также представить более верную систему соответствий между способами ее передачи в текстах на русском и немецком языках. Заметим, что настоящая часть исследования направлена на отражение тенденций и не претендует на статистическую точность, поскольку в фокусе внимания здесь оказываются уже не все предикации, а только те из них, в которых присутствуют МЗВ. За счет этого сильно сокращается выборка, что особенно сказывается на точности результатов при анализе способов выражения возможности с частотностью менее одного процента (см. табл. 2, прил. 2).

Как было отмечено выше, для того чтобы точнее охарактеризовать значение СрВ МВ, необходим частотно-семантический анализ. Однако эпистемическое или онтологическое значение некоторых СрВ МВ вытекает уже из их семантики. К таким средствам относятся эпистемические модальные слова, предполагающие присутствие автора в тексте и его оценку достоверности высказывания [Нефёдов, 2016в: 111-114]. К категории эпистемических модальных слов относятся все модальные слова, выражающие возможность и перечисленные в первой главе настоящей работы.

Помимо модальных слов исключительно для выражения ЭВ используются СрВ видо-временных отношений (простое и сложное будущее в русскоязычных текстах и модальное будущее в немецкоязычных статьях) и сослагательное наклонение или конъюнктив в функции ирреалиса и потенциалиса [см. там же: 111]. В русском языке для передачи значения ЭВ используются также инфинитивные обороты типа *Есть основания полагать*.

Чаще всего в значении ЭВ используется модальный предикатив *можно*. Это связано с тем, что ему присущи свойства эгоцентрика, в терминологии Е.В. Падучевой, т.е. в большинстве случаев он открывает эгоцентрическую валентность, заполняемую в канонической ситуации говорящим [см. Падучева, 2011: 12-15]. Именно в случае канонической ситуации этот предикатив выражает ЭВ, нередко при этом соседствуя с глаголами и субстантивно-глагольными группами мнения, такими как *предположить, подумать, понимать, сказать, представить, дать толкование, сделать заключение, объяснить, провести аналогию* и др. Как показал анализ, эпистемическое употребление предикатива *можно* составляет в среднем около 83% от общего числа его употреблений и в некоторых статьях достигает 100%.

При всем многообразии значений модальных глаголов немецкого языка многие из них обладают лишь одним значением, входящим в

систему значений возможности: значением ЭВ. К ним относятся глаголы *scheinen*, *müssen*, *mögen* и *dürfen* [ср., например, Engel, 1993: 107-119]. Как показал анализ, почти исключительно для выражения ЭВ используется также глагол *lassen*. В научных текстах он практически всегда выступает в качестве средства «подстраховки», или снижения категоричности утверждений (hedge). Глагол *können*, напротив, может использоваться для выражения как ОВ, так и ЭВ.

Однако, в результате анализа удалось установить некоторые закономерности относительно категориальной принадлежности отдельных форм этого глагола. Так, исключительно онтологическое значение присуще форме претерита индикатива глагола *können*. Этот факт подтверждается как эмпирическими данными, так и семантикой данной грамматической формы. Значение прошедшего времени снимает значение потенциалиса, свойственное этому глаголу. В связи с этим его эпистемическая трактовка оказывается невозможной.

Форма претерита конъюнктива глагола *können*, напротив, во всех случаях несет эпистемический смысл [ср., например, Крашенинникова, 1958: 30], иногда соединяя его с онтологическим. Рассмотрим несколько примеров того, как онтологический смысл может соединяться с эпистемическим:

(5) *Die Sätze in (34) bis (36) könnten auch durch die prototypische Form (Imperativkonstruktion mit_{EXP}) umgewandelt werden; dies würde selbstverständlich auch pragmatische Wirkungen mit sich bringen (Mollica, 2014: 365).*

В этом отрывке глагольная форма *könnten* отражает как мнение автора, подчеркивающего через употребление конъюнктива некатегоричность своего утверждения о характерных особенностях некоторых предложений (*die Sätze in (34) bis (35)*), так и объективное свойство представленного положения дел (пропозиции): способность принимать иную форму выражения. Тот факт, что глагол *können* в форме

претерита конъюнктива может обозначать одновременно и ОВ, и ЭВ можно проиллюстрировать также на следующем примере:

(6) *Gleiches gilt für das Europa und die Europa, die theoretisch auch weitere Objektgruppen benennen könnten* (Nübling, 2015: 325).

Здесь автор поднимает вопрос о грамматическом роде имен собственных. Вынося оценку достоверности сообщаемого с помощью конъюнктива и подкрепляя ее наречием *theoretisch*, в то же время он рассуждает об объективных свойствах существительного *Europa*, которое может служить названием разных классов предметов – ресторанов, кораблей, банков, географических объектов и т.д.

Что касается форм настоящего времени глагола *können*, то их семантика определяется контекстом. При этом в эпистемическом значении употребляется в среднем приблизительно 40% словоформ этого глагола. Контекстом, придающим этому глаголу эпистемическое значение, могут служить глаголы-эгоцентрики, такие как *annehmen, begründen, vermuten, motivieren, zurückführen, bezeichnen, gelten, auffassen, argumentieren, deuten, erwarten, interpretieren, verstehen (als)* и т.д. Под глаголами-эгоцентриками, вслед за Е.В. Падучевой, здесь понимаются субъективные слова, которые в канонической ситуации на семантическом уровне подразумевают говорящего, выражаемого на уровне формы нулевым знаком. При этом каноническая ситуация – это такое положение дел, при котором говорящий и адресат присутствуют в то же время на том же месте. Слова-эгоцентрики могут открывать валентность на наблюдателя, субъекта сознания, речи и дейксиса. В неканонической ситуации (гипотаксисе, нарративе) эту валентность заполняет не говорящий, а другое лицо [Падучева, 2011]. Нередко употребление глаголов-эгоцентриков связано также с присутствием местоимения *man*. Подобные конструкции, служащие для выражения ЭВ, сводятся к следующей схеме: *man+können* + глагол-эгоцентрик. Это наглядно показывает следующий пример:

(7) Das **kann man** darauf **zurückführen**, dass die Komplementkonfiguration die Integration in die verbale Projektion aus unabhängigen Gründen erforderlich macht (Bücking, 2015: 278).

Эти же глаголы могут стоять в форме пассива, также придавая глаголу *können* эпистемическое значение:

(8) Während Mehr-Ebenen-Modelle im Wesentlichen als additiv **verstanden werden können**, sucht eine integrative Auffassung eine stärkere Verbindung von funktionaler und thematischer Struktur bei der Beschreibung von Textstrukturen (Fritz, 2014: 187).

Другой случай, когда глагол *können* следует интерпретировать в эпистемическом значении, – это его употребление вместе с глаголами и субстантивно-глагольными оборотами, используемыми для обозначения причинно-следственных связей в процессе аргументации. Это такие языковые единицы, как *hindeuten*, *beruhen (auf etwas)*, *führen (zu etwas)*, *Ursache haben*, *Anzeichen für etwas sein*, *daran liegen* и др. Рассмотрим соответствующий пример:

(9) Echte Fehler **können** auf Fehlern im ursprünglichen Text **beruhen** oder auf Fehlern in den Annotationen, weil z. B. die Annotatoren unkonzentriert oder nicht kompetent waren (Zinsmeister, 2015: 90).

Эпистемическое значение глагол *können* получает также в том случае, если он употреблен в контексте разделительного союза *oder* и в семантическом отношении указывает на альтернативные равноценные варианты:

(10) Die Wortform voll in (1) **kann** z. B. ein Adjektiv (1-a) **oder** ein intensivierendes Adverb (1-b) sein (там же: 86).

В обороте *es kann sein* глагол *können* также выражает ЭВ:

(11) Eine Folge dieser kognitiven Belastung **kann es auch sein**, dass der Emittent den Umfang seiner Fehlerproduktion reduziert, da er sich z.B. auf die Übergabemodalitäten und deren zeitlichen Ablauf konzentrieren muss, wie es in dem folgenden Briefausschnitt zu sehen ist (Fobbe, 2014: 204).

В текстах на русском языке глагол *мочь* получает эпистемическое значение в похожих, но несколько иных контекстах. При этом относительная частотность словоформ этого глагола, употребленных для

выражения ЭВ, в нашем корпусе составила около 30% от общего количества словоформ глагола *мочь*. Можно сказать, что немецкий глагол *können* в научных текстах чаще связан с выражением мнения автора, чем русский глагол *мочь*. Однако в целом особенности употребления этих глаголов сравнимы. Разница в частотности составляет около 10%. Учитывая разброс числовых значений в нашей выборке (в русских текстах от 9% до 66%, а в немецких текстах от 11% до 64%), можно считать, что эта разница находится в пределах среднедопустимой погрешности.

Обратим внимание на некоторые контекстуальные особенности употребления глагола *мочь*. Практически всегда в эпистемическом смысле он используется в форме первого лица множественного числа настоящего времени, например, как в следующем отрывке:

(12) *Можем* обобщить, что в высказывании непременно должен быть какой-то предикативный основной элемент, эксплицитный или имплицитный, которому приписывается предикативный признак (Савова, 2012: 87).

Как и в немецких текстах, контекстом, придающим глаголу *мочь* эпистемическое значение могут служить глагольно-субстантивные группы, отражающие процесс аргументации автора-исследователя, такие как *найти подтверждение, быть связанным, обуславливаться*:

(13) Представленное здесь разделение на две основные предикативные структуры *может найти подтверждение* и в примерах, которые анализирует в одной своей работе К. Ламбрехт (там же: 80).

Кроме того, глагол *мочь* выражает ЭВ в контексте глаголов и субстантивно-глагольных групп, подразумевающих говорящего, таких как: *выделить, представить, считать, рассматривать, понимать, оказаться, вызывать возражение, интерпретировать, показаться, создавать впечатление, свидетельствовать, признавать, заметить, полагать* и др. Некоторые из этих глаголов и субстантивно-глагольных групп употребляются, так же как и немецкий глагол *können*, по следующей схеме: *мочь + глагол-эгоцентрик/ субстантивно-глагольная группа*, но большая часть из них оформляется в вводные предложения типа *как мы полагаем*.

Субъективно-эгоцентрическое значение глаголу *мочь* могут придавать также такие вводные предложения, как *в нашем понимании*, *представляется*, *вводится допущение*.

В эпистемическом значении глагол *мочь* используется и в сочетании с глаголами *быть* и *служить*, особенно если в роли дополнения выступают существительные, употребляемые для выражения причинно-следственных связей и построения аргументативных цепочек, такие как *причина*, *свидетельство*, *доказательство*, *сигнал*, *объяснение* и т.д.:

(14) *Одной из причин высокого значения ИМ в кашубском словаре может быть приписывание в нем статуса леммы формам одного слова (Кретов, 2011: 59).*

Так же, как и конъюнктив глагола *können*, глагол *мочь* в сослагательном наклонении всегда имеет в своем семантическом составе эпистемический компонент.

В отличие от формы претерита индикатива немецкого глагола *können*, которая не используется в эпистемическом значении, форма прошедшего времени глагола *мочь* вполне может применяться для выражения ЭВ, хотя случаи такого употребления довольно редки. Это видно на примере следующего отрывка, в котором глагол *мочь* можно легко заменить модальным словом *вероятно*:

(15) *Учитывая сделанные замечания, я определяю семантические образы механизмов как семантические структуры слов, соответствующих объектам, которые функционировали в качестве механизмов (в современном понимании) в повседневной жизни древних греков, хотя интерпретация этих объектов древнегреческой культурой могла существенно отличаться от привычной нам (Глебкин, 2012: 56).*

Теперь остановимся на семантических особенностях модальных прилагательных. Как показал анализ, в русскоязычных текстах с помощью прилагательных *возможный* и *способный* чаще всего выражается ОВ. Прилагательное *вероятный*, напротив, выражает субъективную оценку автора-исследователя, однако в нашем корпусе оно встречается очень

редко (в трех статьях из двадцати). ОВ выражает также практически во всех случаях немецкое прилагательное *möglich*. Прилагательное *wahrscheinlich*, имеющее в своем семантическом составе эпистемический компонент, является столь же мало употребительным, как и русский эквивалент *вероятный*.

Как показали наблюдения, в научных текстах на немецком языке отглагольные прилагательные, образованные с помощью суффиксов *-bar* и *-fähig*, чаще употребляются для выражения ОВ. В эпистемическом смысле используются прилагательные-эгоцентрики, такие как *erkennbar*, *denkbar*, *vereinbar*, *vergleichbar*, *vorstellbar*, *erwartbar*, *vorhersehbar*, *nachvollziehbar* и др. Их частотность составляет около 20% от общего числа употреблений модальных отглагольных прилагательных.

В русском языке отглагольные прилагательные, образованные с помощью суффикса *-им*, крайне редко используются для выражения ЭВ (около 4% от их общего количества). В основном это либо прилагательные, образованные от глаголов-эгоцентриков, такие как *объяснимо*, либо прилагательные, соседствующие с эгоцентриками, как в следующем примере:

(16) *Здесь допустима аналогия с хронологической привязкой того или иного историко-литературного или бытового факта (Перцов, 2011: 8).*

Как отмечает Е.В. Падучева, *здесь* – это эгоцентрик, предполагающий говорящего в момент речи [Падучева, 2011: 11]. В данном примере он придает прилагательному *допустимый* субъективное значение. Надо отметить, что глагол *допускать* также является эгоцентриком, но прилагательное *допустимый* чаще употребляется в «неканонической ситуации» [см. там же: 3-17], т.е. открывает эгоцентрическую валентность не на говорящего, а на другой субъект (что-либо считается *допустимым* не с точки зрения говорящего, а с точки зрения общепринятого канона или логики).

К средствам, с помощью которых выражается и ЭВ, и ОВ, относится также модальный инфинитив *sein+zu*. При этом эпистемическое значение этот оборот получает более чем в половине случаев.

И наконец, рассмотрим семантические особенности оборотов с существительными. Исследование корпуса статей показало, что в русскоязычных текстах наиболее частотны конструкции с существительным *возможность*, выражающим в подавляющем большинстве случаев ОВ. В немецкоязычных статьях довольно часто встречаются также обороты с существительными *Vermutung* и *Annahme* (они присутствуют где-то в 50% всех рассмотренных оборотов с существительными), которые выражают ЭВ. Существительное *Möglichkeit*, так же как и его эквивалент *возможность*, чаще всего выражает ОВ.

Итак, наблюдаются следующие тенденции относительно использования СрВ МВ в текстах на русском и немецком языках: в грубых чертах соотношение ОВ и ЭВ в текстах на обоих языках составляет 1:1. Однако более точные подсчеты показывают, что в русскоязычных статьях частотность СрВ ОВ (56%) несколько превышает частотность СрВ ЭВ. А в немецкоязычных статьях, напротив, частотность СрВ ЭВ (около 55%) превышает частотность СрВ ОВ. Также частотно-семантический анализ позволяет уточнить данные, представленные в табл. 2 (прил. 2). Например, хотя частотность модальных слов в немецком языке (0,93%) сравнима с частотностью кратких отглагольных прилагательных, образованных с помощью суффикса –им, в русском языке (1,02%), с семантической точки зрения эти СрВ МВ несопоставимы, поскольку модальные слова используются исключительно для выражения ЭВ, а краткие отглагольные прилагательные в русскоязычных статьях – преимущественно для выражения ОВ (за некоторыми исключениями).

2.2 Роль модальности возможности в реализации основных стратегий научного формулирования

Представленные в предыдущем параграфе количественные данные показывают, что как для русскоязычных, так и для немецкоязычных статей типично использование высказываний со значением возможности. Высокий процент предикаций (около 18% от всех текстовых предикаций в немецкоязычных статьях и около 16% в русскоязычных статьях), включающих СрВ МВ (это значит, что в среднем каждая 6-7 предикация содержит значение ЭВ или ОВ), говорит о том, что присутствие модальных компонентов возможности в лингвистических статьях не может быть случайным и обусловлено особыми целями НК.

Каузальная взаимосвязь между глобальными целевыми установками речевой коммуникации и набором типичных языковых средств соответствующего речевого жанра признается многими исследователями. Например, сквозь призму интенциональной направленности научного текста рассматриваются многие аспекты НК в работах С.Т. Нефёдова [см. Нефёдов, 2016б; Нефёдов, 2016в; Нефёдов, 2014]. О зависимости количества и качества средств «подстраховки» в статьях, принадлежащих к разным областям науки, от различных социокультурных и коммуникативных требований, предъявляемых к разным наукам, говорят И. Васкес и Д. Гинер [Vázquez, Giner, 2008]. Теоретическое обоснование тезиса об обусловленности типичных языковых структур некоторого речевого жанра коммуникативными задачами дается в работе Х. Файльке [Feilke, 2012: 1-31]. В качестве одного из основных аспектов владения письменной речью исследователь рассматривает коммуникативно обоснованное соотнесение типичных коммуникативно-функциональных структур текста (схем речевого письменного действия; Handlungsschemata) с стереотипными/ шаблонными выражениями текста (Routinenausdrücke), которые характеризуются, прежде всего, высокой узнаваемостью.

Шаблонные выражения текста являются видом контекстуализации (см. Auer, 1986), т.е. они являются «указателем», который позволяет участникам коммуникации адекватно интерпретировать некоторое высказывание как включенное в определенный вид коммуникативно-речевой деятельности. Как отмечает исследователь, в научных текстах в качестве типичных языковых шаблонов, обусловленных коммуникативно-функциональными свойствами научных текстов, могут выступать средства «подстраховки» (hedges) [Feilke, 2012: 1-31], к которым, как будет показано в дальнейшем, относятся некоторые типы высказываний с модальностью возможности.

Действительно, два основных типа значений возможности в научных текстах соотносятся с двумя глобальными целями НК. Ведь, как известно, коммуникативная установка научных текстов ориентирована, с одной стороны, на информирование об объекте рассмотрения и, с другой стороны, на отражение самого процесса аргументации. Обобщая эти свойства НК часто говорят об эпистемической функции научных текстов [Ehlich, 1993: 289-311; Нефёдов, 2016б: 142]. Как показал анализ корпуса лингвистических текстов, употребление высказываний со значением ОВ, прежде всего, связано с информированием об объекте. А высказывания со значением ЭВ, в первую очередь, используются для отражения самого процесса аргументации.

Таким образом, МВ является частью целого ряда коммуникативных стратегий авторов научных статей, преследующих две глобальные цели – информирования и аргументации. При этом наиболее интересным является изучение стратегий, отражающих процесс аргументации и воплощающихся в употреблении высказываний со значением ЭВ, поскольку именно в присутствии последних особенно четко проявляется коммуникативная сторона научных текстов, в то время как употребление языковых структур с включением ОВ продиктовано, в первую очередь, множеством разнообразных свойств изучаемого объекта.

В первой главе настоящей работы были названы основные функциональные свойства НК, предполагающие авторскую субъективную модализацию утверждений. К ним относится осторожное формулирование и «подстраховка» от возможных возражений оппонента (иногда путем предвосхищения его аргументов), убеждение читателя, избегание самообозначений через «Я», вежливое формулирование, стремление к созданию intersубъективности научного дискурса и достижению объективности (путем снижения категоричности утверждений). Все эти коммуникативно-функциональные свойства научных текстов выражаются в варьировании достоверности высказываний, или т.н. «эпистемических ‘сдвигов’» в достоверности высказывания, в терминологии С.Т. Нефёдова [Нефёдов, 2016б: 144]. Далее будет показано, каким образом с помощью разных способов выражения ЭВ реализуются названные выше коммуникативно-функциональные свойства научных текстов, которые также можно назвать стратегиями ведения научной аргументации.

2.2.1 Реализация основных стратегий научного аргументирования в статьях на немецком языке

В ходе исследования выяснилось, что все случаи употребления высказываний со значением ЭВ в немецкоязычных статьях можно интерпретировать сквозь призму вышеприведенных коммуникативных стратегий. Иногда несколько разных стратегий воплощаются в использовании одних и тех же средств. Разумеется, имеет место и обратное положение дел: одна стратегия может реализоваться с помощью разных языковых конструкций. Рассмотрим основные случаи модализации утверждений в статьях на немецком языке.

Наблюдения над корпусом статей показали, что модальный глагол *scheinen*, с помощью которого, как было отмечено выше, могут передаваться значения ЭВ, но не ОВ, используется при воспроизведении чужих мнений, наблюдений или теоретических позиций (см. пример (17) и (18)) или при отражении собственной точки зрения (см. пример (19)). В

обоих случаях высказывания с использованием этого глагола снижают категоричность утверждений. При передаче чужого мнения, вероятнее всего, следует говорить о **стратегии осторожного и вежливого формулирования**, а при передаче своего собственного – о **стратегии «подстраховки» от возможных критических реакций читателя** и стремлении к объективности. Рассмотрим следующие примеры:

(17) *Bei Effizienz und Effektivität **scheint** es von Seiten der Physiker die Frage zu geben, warum auf deren Beidverwendung von politikwissenschaftlicher Seite so viel Wert gelegt wird und ob nicht die Rekurrenz auf Effizienz ausreichen würde. Governance **scheint** demgegenüber für die Physiker **offensichtlich** vor allem ein unvertrauter Terminus zu sein, dessen Bedeutung aus ihrer Sicht bereits durch den Ausdruck internationale Regime abgedeckt wird, den wiederum die Politologen als veraltet ablehnen (Janich, Zakharova, 2014: 12).*

В этом отрывке автор представляет результаты эмпирического исследования над особенностями коммуникации физиков и политологов в рамках междисциплинарного проекта. Согласно его наблюдениям, физикам незнакомы некоторые термины. Использование модального глагола *scheinen* в совокупности с модальным наречием *offensichtlich* снижает категоричность утверждения, что необходимо по нескольким причинам: во-первых, автор описывает результаты собственного исследования, а значит, представляет свой собственный вклад в науку, а это, как отмечает С.Т. Нефёдов, зачастую влечет модализацию высказывания, или эпистемический «сдвиг» [Нефёдов, 2016б: 144]; во-вторых, автор вынужден ссылаться на собственную интерпретацию чужой ментальной сферы, т.е. чужих особенностей восприятия и понимания, мнений и суждений, что не исключает возможность возникновения недоразумений, которые автор стремится избежать с помощью снижения категоричности утверждения. Употребление глагола *scheinen* в связи с передачей чужих мнений, убеждений и теоретических позиций – достаточно частотный случай. Это видно также на примере следующего

отрывка, в котором автор излагает позицию и результаты исследования своих коллег:

(18) *Insgesamt **scheint** nach ihrer Auffassung die Abfolge «Nukleus vor Satellit» vorherrschend zu sein (Fritz, 2014: 172).*

Как было сказано выше, глагол *scheinen* может использоваться также при передаче собственных наблюдений автора, иногда противоречащих предварительной гипотезе или ожидаемому результату. Такого рода примером может служить следующий отрывок, в котором новизна открытия подчеркивается вводной конструкцией *anders als vorausgesagt*:

(19) *Anders als vorausgesagt, **scheint** die Einbettung unter Einstellungsprädikate für das Gegenwartsdeutsche ausgeschlossen zu sein (Bücking, 2015: 298).*

При описании процессов мышления, побуждений, мнений или суждений, иными словами, при комментировании чужой ментальной/когнитивной сферы могут использоваться также модальные слова, такие как *wohl*, *offenbar*, *vermutlich* и *möglicherweise* (ср. примеры (20) и (21)). При этом избегание категоричных утверждений в этом контексте может быть мотивировано, как и при использовании в подобных контекстах глагола *scheinen*, желанием автора соблюсти вежливость путем компенсации негативных утверждений (в примере (20) отрицательный смысл заключен в словосочетании *in die Irre führen* (вводить в заблуждение); ср. также пример (17), в котором негативным фактом является незнание некоторых терминов физиками), а также стремлением к объективности:

(20) *Auch die Namen dieser Kriterien sind prinzipiell arbiträr und deuten im besten Falle an, was sie besagen sollen, führen **möglicherweise** aber manche Linguisten auch in die Irre, was insbesondere für die Bezeichnung ‚valenzgebunden‘ zu **konstatieren sein mag** (Neef, 2014: 430).*

В этом отрывке после подведения промежуточных итогов исследования автор сообщает о содержании следующего параграфа, в котором он даст определение некоторым терминам. Необходимость экспликации терминологии он мотивирует потенциальными

недоразумениями. Кроме вышеперечисленных средств модальности в данном примере средством «подстраховки» и вежливости служит словосочетание *zu konstatieren sein mag*, складывающееся из двух конструкций со значением возможности – глагола *mögen* и модального инфинитива *sein+zu*. Столь высокая плотность СрВ МВ свидетельствует о целенаправленном их использовании. Употребление модального инфинитива в этом отрывке может быть мотивировано также **стратегией избегания эксплицитной авторизации** через местоимение первого лица. Избегание эксплицитной авторизации нередко достигается также с помощью отглагольных прилагательных, образованных с помощью суффикса *-bar*.

Использование стратегии вежливого формулирования может быть мотивировано не только осторожностью при передаче чужих мнений или суждений. Иногда оно связано с описанием метода или алгоритма действий, который может интерпретироваться как научный «совет», направленный на решение некоторой конкретной проблемы. В реализации этой стратегии может участвовать глагол *dürfen*:

(21) *Methodisch kann dies beispielsweise in Übersetzungskritik und Übersetzungsübungen geschehen, in denen Fragen der Textkohärenz, wie beispielsweise die Logik von Konnektoren und der Gebrauch von Proformen, kontrastiv fokussiert werden. Hilfreich dürfte es hierbei sein, Ausgangstexte entsprechend zu manipulieren, indem Kohärenzfehler bewusst eingebracht werden, die von den Studierenden zu erkennen und dann zu korrigieren sind (Göpferich, Nelezen, 2013: 186).*

В этом отрывке автор описывает результат эксперимента, нацеленного на выявление типичных ошибок, возникающих при порождении текстов на иностранном языке. Очертив проблему, он предлагает возможные решения. В качестве маркеров эпистемической модальности здесь выступает глагол *können* в значении ЭВ, глагол *dürfen*, а также наречие *beispielsweise*, которое указывает на факультативность

предлагаемого решения. В подобных контекстах могут использоваться также и модальные слова, такие как *möglicherweise*.

Некоторые модальные слова немецкого языка могут участвовать в реализации **стратегии концессивного аргументирования** (предвосхищения аргументов), которая подробно освещается в работе Т. Штайнхоффа [Steinhoff, 2007: 329-360]. Особенность концессивной аргументации заключается в том, что автор признает справедливость аргументов возможных оппонентов. Тем самым он показывает научному сообществу свою осведомленность о существовании также других точек зрения на некоторое положение дел и демонстрирует отсутствие единственно верной позиции. Тот факт, что несмотря на знание о существовании других подходов к решению проблемы, автор все же выбирает свою собственную точку зрения, и служит основным приемом доказательства при концессивной аргументации. При этом, как отмечается в исследовании Т. Штайнхоффа, структура концессивной аргументации характеризуется присутствием хотя бы одного контраргумента [К] и тезиса [Т] [ср. там же]. Реализацию приема концессивного аргументирования в лингвистических статьях на немецком языке можно проиллюстрировать с помощью следующих двух отрывков:

(22) [Т] *Ich verwende in vorthoretischer Weise das Konzept semantischer Merkmale; [К] man kann eventuell auch in allgemeinerer Form semantische Rollen oder, wie z.B. Duden (2009: 776), das Konzept der semantischen Valenz bemühen (Neef, 2014: 435).*

Здесь автор комментирует свой выбор научной концепции, которая будет служить ему отправной точкой при интерпретации наблюдений, полученных в ходе исследования. Целесообразность своего выбора он доказывает, демонстрируя читателю свою осведомленность о существовании также других концепций, которые могут использоваться в аргументации воображаемых оппонентов. Средствами воплощения стратегии автора служит конструкция, складывающаяся из модального

глагола *können* и модального слова *eventuell*, с помощью которой автор отделяет контраргумент от своей собственной точки зрения.

В качестве примера, в котором автор в рамках стратегии concessивного аргументирования использует модальные слова, может выступать также следующий отрывок, в котором автор убеждает читателя в отсутствии необходимости давать наименование классу исследуемых объектов:

(23) [K] Wenn man will, **kann man** diesen Konstituenten einen Klassennamen geben (z. B. Adverbial), [T] aber da es sich hierbei um eine sehr heterogene Gruppe handelt, ist es **vielleicht** besser, darauf zu verzichten und vielmehr die syntaktischen Eigenarten dieser unterschiedlichen Elemente anzuerkennen (там же: 453).

Кроме вышеперечисленных средств языка, в реализации стратегии concessивного аргументирования может участвовать целый ряд других средств, таких как модальные отглагольные прилагательные со значением ЭВ и конъюнктив:

(24) [T] Zielführender **erscheint** dementsprechend eine mindestens zwei-, gegebenenfalls auch eine mehrstufige Anwendung. [...] [K] Alternativ **wäre** es auch **denkbar**, stärker datengeleitete Verfahren anzuwenden, um über Keyword-Analysen, Topic Modelling oder komplexe n-Gramme auffällige Muster zu finden (Lemke, Stulpe, 2015: 74).

Этот отрывок посвящен обсуждению метода исследования. Описав преимущества одного метода, автор кратко поясняет, что существуют также и другие подходы к решению проблемы.

Следующий отрывок, в котором автор знакомит читателя с предметом исследования и очерчивает пробелы в существующих представлениях об этом предмете, служит наглядным примером реализации целого ряда коммуникативных стратегий автора с помощью разноплановых языковых средств МВ, таких как глаголы *können* и *sein* в форме претерита конъюнктива, модальный инфинитив и модальное будущее:

(25) Für diese Untersuchungsgegenstände, deren Zahl **man** leicht vervielfachen **könnte**, besitzen wir mehrheitlich relativ datenarme exemplarische und/oder programmatische Analysen, die als Ausgangspunkt für Untersuchungen mit größeren Textmengen dienen **könnten**, von denen **zu erwarten wäre**, dass sie umfangreiches empirisches Datenmaterial liefern und damit impressionistisch oder exemplarisch gewonnene Hypothesen bestätigen, falsifizieren oder differenzierbar machen **könnten**. Diese Erwartung **werden** zweifellos viele Textlinguisten und Diskursanalytiker teilen (Fritz, 2014: 165).

Ведущей стратегией в данном фрагменте текста можно считать **стремление к интерсубъективности**, т.е. к **достижению объективности** научного дискурса посредством контроля научным сообществом. Обращение к коллегам, в котором автор как бы приглашает их проконтролировать верность утверждения, содержится в последнем предложении отрывка. Здесь используется довольно редкое для немецкоязычных лингвистических текстов средство МВ: модальное будущее, которое стоит рядом с эпистемическим модальным словом *zweifellos*, выражающим уверенность. Значения возможности и уверенности являются двумя разными значениями «шкалы вероятности» по Дж. Личу и Дж. Свартвику (см. разд. 1.1.5). В связи с этим кажется странным их совместное употребление. Однако совместимость этих понятий можно было бы объяснить, опираясь на представленную в первой главе настоящего исследования интерпретацию понятия возможности в работе Р. Кресты, который считает модальное значение уверенности субкатегорией МЗВ [Kresta, 1995: 112,113]. Чисто логически два понятия, одно из которых находится в отношении подчинения к другому, являются совместимыми. Доказать принципиальную совместимость слов с семантикой уверенности и возможности можно и без столь широкой теоретической трактовки МВ, преобразовав предложение из примера (25):

- a. *Diese Erwartung teilen zweifellos viele Linguisten.*
- b. *Diese Erwartung können zweifellos viele Linguisten teilen.*
- c. (*)*Diese Erwartung dürften zweifellos viele Linguisten teilen.*

- d. (*)*Diese Erwartung könnten zweifellos viele Linguisten teilen.*
- e. **Es ist möglich, dass diese Erwartung zweifellos viele Linguisten teilen.*
- f. **Möglicherweise teilen diese Erwartung zweifellos viele Linguisten.*

Вышеприведенные трансформации были предложены 55 информантам-носителям немецкого языка. Предложения *a-f* расположены в соответствии с их допустимостью, по мнению носителей языка. Как следует из их ответов, значения уверенности и возможности вполне совместимы друг с другом в предложении *b*. Это легко объяснимо: ведь глагол *können* имеет не только эпистемическое, но и онтологическое значение. А при оценке допустимости предложений *c-d* мнения информантов разделились на два равных лагеря. Удивительно, что несмотря на то, что глаголы *können* и *dürfen* в конъюнктиве и модальное слово *zweifellos* явно выражают разную степень достоверности некоторого утверждения с точки зрения автора, около половины информантов все же не увидели никакого противоречия при совместном их употреблении. По всей видимости, при употреблении этих глаголов в тексте на первый план выступает не семантическая, а прагматическая сторона коммуникации. То же самое можно сказать и о модальном будущем, значение которого легко сочетается с диаметрально противоположным ему значением уверенности.

Стратегия-отклик на требование интерсубъективности может осуществляться также путем использования конъюнктива, как в следующем отрывке, в котором автор эксплицитно приглашает научное сообщество к обсуждению некоторой проблемы:

(26) *Ob mit den Classifiern auch eine phonologische Stärkung verbunden ist, wäre zu diskutieren (Nübling, 2015: 338).*

Стратегию «подстраховки» от возможных критических реакций читателя можно считать ведущей в лингвистических статьях. Она реализуется через употребление самых разных средств,

в т.ч. и с помощью т.н. генерической возможности:

(27) *In ähnlicher Weise finden sich bei Saussure (1916) die drei für die Linguistik relevanten Konzepte langage, langue und parole, die allesamt mit dem Wort Sprache ins Deutsche übertragen werden können (Neef, 2014: 423).*

Здесь автор проводит анализ существующих концепций понятия *Sprache*. Поскольку речь идет о его собственной интерпретации трудов других известных исследователей-классиков языкознания, он снижает категоричность своих утверждений, используя глагол *können* в эпистемическом значении и конструкцию, состоящую из возвратного местоимения *sich* с глаголом *finden* и в данном контексте также выражающую значение ЭВ.

Итак, на примере целого ряда отрывков было показано, что СрВ МВ немецкого языка участвуют в реализации основных коммуникативных стратегий научного дискурса, способствующих построению научной аргументации. Наиболее общей стратегией можно считать стратегию осторожного формулирования и стремления к объективности. Она подразделяется как минимум на четыре стратегии: стратегию вежливого формулирования, concessивного аргументирования, избегания эксплицитной авторизации и создания intersубъективности научного дискурса. Каждая из этих стратегий воплощается в использовании самых разных средств МВ, как лексических, так и морфосинтаксических. В реализации стратегии вежливого формулирования нередко участвует глаголы *scheinen*, *dürfen* и *können*, а также модальные слова, такие как *möglicherweise*, *offenbar*, *wohl* и *vermutlich*. Типичным способом реализации стратегии concessивного аргументирования могут быть отглагольные модальные прилагательные со значением ЭВ, конъюнктив, глагол *können* и модальные слова, такие как *eventuell* и *vielleicht*. Стратегия избегания эксплицитной авторизации достигается с помощью модального инфинитива, глагола *können* и

отглагольных модальных прилагательных, а стратегия достижения объективности (в соответствии с идеей об intersубъективности научного дискурса Т. Штайнхоффа) воплощается в использовании, например, модального будущего и конъюнктива.

2.2.2 Реализация основных стратегий научного аргументирования в статьях на русском языке

Представленные выше коммуникативно-функциональные свойства научных немецкоязычных лингвистических статей в общих чертах характерны также и для лингвистических статей на русском языке. Высказывания с эпистемической модальностью возможности в целом менее категоричны, чем их аналоги без включения МЗВ. Это делает их менее уязвимыми. Поэтому можно считать, что так или иначе использование СрВ ЭВ в русскоязычных текстах связано со стратегией осторожного формулирования. Однако в отдельных случаях можно выделить более конкретные мотивировки авторов-исследователей, использующих СрВ МВ. Рассмотрим их несколько подробнее.

Как и в статьях на немецком языке, в русскоязычных статьях модализация высказываний нередко происходит в связи с передачей чужих процессов мышления, побуждений или суждений, иными словами, при комментировании чужой теоретических позиций и мнений. Снижение категоричности утверждений в подобных случаях делает суждение не только более объективным, но в некоторых случаях и более вежливым. Однако, как кажется, **стратегия вежливого формулирования** является довольно редкой мотивировкой для употребления СрВ ЭВ в статьях на русском языке. Примером, в котором СрВ МВ используются для повышения вежливости формулировок, может служить следующий отрывок:

- (28) *В обоих случаях с появлением конструкций типа Книга написалась должна быть связана серьезная перестройка существующей грамматической системы, и этим, видимо, объясняется, почему для*

людей пуристической ориентации они малопримлемы (Зельдович, 2010: 4).

Здесь автор, рассуждая о допустимости с точки зрения грамматики страдательных форм глаголов СВ на *–ся* и их семантических свойствах, называет две возможные грамматические интерпретации предложений типа *Книга написалась*: они могут рассматриваться либо как декаузатив, либо как пассив, исключающий возможность прямо сказать о субъекте. Автор последовательно доказывает неприемлемость обеих интерпретаций и находит тем самым объяснение позиции коллег «пуристической ориентации», считающих подобные предложения аномальными. Поскольку при этом он опирается на чужое мнение и говорит, можно сказать, от имени других исследователей, эксплицируя недосказанное ими, он употребляет средства «подстраховки», которые в данном контексте явно служат и средством вежливого формулирования. В такой роли выступает модальное слово *видимо*, а также глагол в страдательном залоге *объясняется*, который в своей семантике тоже содержит значения возможности [ср. Эслон, 1986: 79-85].

При передаче чужих побуждений, мнений или суждений (в примере (29) – это мотивы коллег-филологов, изменивших грамматику и орфографию рукописей А.С. Пушкина) использование модальных вводных слов и частиц – нередкое явление. Здесь также следует говорить о стратегии вежливого формулирования:

(29) *В данном случае игнорирование авторского выбора представляется едва ли не текстологическим самоуправством, в котором, вероятно, немалую роль играло желание приблизить звучание строк к современному, то есть модернизировать текст (Перцов, Пильщиков, 2011: 5).*

Похожий случай использования СрВ МВ представляет следующий отрывок:

(30) *Соответствие мы можем найти и во взглядах У. Чейфа, который*

подчеркивает, что... (Савова, 2012: 74).

Хотя контекстом для глагола *мочь*, выражающего ЭВ, здесь служит также чужая субъективная точка зрения (взгляды У. Чейфа), как кажется, здесь следует все-таки говорить о **стратегии «подстраховки» от критических реакций читателей**, которые, с большой вероятностью, могут быть знакомы с трудами известного лингвиста.

Оперирование любыми субъективными понятиями, такими как, например, престижность (см. пример (31)), достоинство (см. пример (32)), недостаток, зачастую компенсируется модализацией высказываний. В таких случаях можно говорить о **стратегии уравнивания субъективных суждений**, которая свойственна и русскоязычным, и немецкоязычным статьям. В следующем отрывке средством «компенсации» субъективизма служит предложно-субстантивная группа *с определенной долей уверенности* и модальный глагол *мочь*:

(31) *Во-вторых, с определенной долей уверенности мы можем говорить о том, что сегодня русский и норвежский языки имеют в Киркенесе более или менее равную престижность (Рогова, 2010: 32-33).*

В следующем отрывке автор рассуждает о преимуществах мультимедийного словаря. Субъективизм понятия *достоинство* здесь компенсируется предикативом *можно*:

(32) *Достоинством данного ресурса можно назвать наличие дополнительных текстовых разъяснений, относящихся к манере исполнения жеста и описывающих смысловую интерпретацию жестов (Карпов, 2011: 44).*

Стратегия достижения объективности в соответствии с идеей об интересубъективности научного дискурса Т. Штайнхоффа может реализоваться в русскоязычных статьях с помощью некоторых модальных слов, таких как *очевидно, пожалуй, наверное*, а также путем использования форм будущего времени, глагола *мочь*, предикативов *легко, можно* и др. средств. Рассмотрим соответствующие примеры:

(33) *Легко проверить, что это толкование дает правильную интерпретацию примерам 7.12а—7.12б (Падучева, 2011: 14).*

Здесь предикатив *легко* употребляется вместе с глаголом *проверить*, содержащем в своей семантике эксплицитное указание на необходимость контроля данного утверждения читателем или научным сообществом.

Похожий смысл содержится в модальном слове *пожалуй*:

(34) *...мы обратимся к наиболее полному, пожалуй, на данный момент собранию теологических, исторических, философских текстов с начала II по XIII столетие - к латинской Патрологии Миня (Глебкин, 2012: 60).*

Модальное слово здесь компенсирует не столько субъективность, сколько категоричность смысла, заложенного в словосочетании «наиболее полный». Смягчая утверждение, автор как бы приглашает коллег проверить достоверность информации и делает тем самым свой тезис менее уязвимым.

В следующем примере автор использует целый ряд СрВ МВ, с помощью которых осуществляется модализация довольно несложного пропозиционального содержания, которое можно свести к следующему утверждению: *Теория 'х' является основанием современной когнитивной лингвистики*. Необходимость контроля научным сообществом обозначается здесь с помощью модального слова *наверное*, будущего времени и предикатива *можно*, а также с помощью существительного *преувеличение*, которое в своей семантике явно содержит субъективный компонент: указание на некоторый субъект А, с точки зрения которого то или иное обстоятельство является весьма существенным, и другой субъект Б, считающий, что субъект А придает этому обстоятельству чрезмерно большое значение. В данном предложении роль субъекта А выполняет автор-исследователь, а субъект Б – читатель, который и решает, действительно ли утверждение автора не является преувеличением:

(35) *Наверное, не будет большим преувеличением утверждать, что*

теория концептуальной метафоры – одно из оснований и, можно сказать, один из прототипических образцов для современной когнитивной лингвистики (Глебкин, 2012: 52).

Одной из мотивировок автора, использующего СрВ МВ, является, как и в немецкоязычных статьях, **избегание эксплицитной авторизации**. В рамках этой стратегии может употребляться предикатив *можно*, соседствующий с инфинитивом, или глагол *мочь*, соседствующий с другим глаголом в страдательном залоге:

(36) *В заключение можно отметить, что стремление стабилизировать вокальный состав слова «в качестве реакции на синтагматические изменения» также может быть признано характерной особенностью развития не только «радикально консонантической» русской фонетической системы (Савинов, 2012: 59).*

Довольно часто средства МВ в русскоязычных статьях употребляются в связи со **стратегией концессивного аргументирования**, способы реализации которой иллюстрируют следующие отрывки (37-39). Часто структура концессивного аргументирования сводится к противопоставлению двух утверждений, первое из которых представляет точку зрения, противоположную авторской и содержит маркеры эпистемической МВ, а второе – отражает мнение самого автора. Нередко утверждения соединяются противительным союзом *однако*. Рассмотрим несколько подробнее соответствующие примеры:

(37) [К] *Противопоставление терминов «двухместный» и «одноместный» (так, как оно введено выше в настоящей статье) может показаться неудачным еще и потому, что не только «двухместные», но и «одноместные» союзы могут повторяться в одном предложении два и более раз [...] [Т] Однако [...] Данное противопоставление «двух» и «одного» («мест», занимаемых союзом в сочинительной конструкции) как раз и отражено в наших терминах (Пекелис, 2012: 10,11).*

Аргументация автора в этом отрывке направлена на

обоснование принятой в статье терминологии. Точка зрения, чуждая авторской, обозначается здесь с помощью модального глагола *мочь*, употребленного в эпистемическом значении, и глагола-эгоцентрика *показаться*. Рассмотрим следующий пример:

(38) [К] *Разумеется, можно утверждать, что понижение агенса в ранге – только сопутствующее обстоятельство [...] [Т] Однако такое рассуждение настораживает (Зельдович, 2010: 9).*

Здесь средством модализации служат предикатив *можно* и глагол-эгоцентрик *утверждать*. В следующем примере также используется предикатив *можно*. Кроме того, окказионально для выражения ЭВ используется частица *как будто*. Структура аргументации эксплицируется оппозицией *возразить – ответить*:

(39) [К] *Против сказанного как будто можно возразить [...] [Т] Ответить можно так (Зельдович, 2010: 13).*

Из сказанного можно заключить, что в русскоязычных статьях употребление высказываний со значением ЭВ всегда мотивировано стратегией осторожного формулирования, которая представлена как минимум четырьмя основными подтипами: стратегией вежливого формулирования и уравнивания субъективности, избегания эксплицитной авторизации, concessивного аргументирования и стратегией достижения объективности и создания intersубъективности научного дискурса. В реализации всех этих стратегий участвуют, прежде всего, модальный предикатив *можно* и модальный глагол *мочь*. При реализации стратегии вежливого формулирования, а также некоторых других стратегий широко используются модальные слова, а предикатив *легко* и формы будущего времени участвуют, например, в воплощении стратегии создания intersубъективности НК. При этом мотивировки авторов, использующих СрВ МВ в немецко- и русскоязычных статьях, в целом довольно похожи. В большинстве случаев присутствие

значений ЭВ снижает категоричность утверждений и обусловлено предпочтением авторов к более осторожным и менее уязвимым формулировкам. На фоне стратегии осторожного формулирования можно выделить еще как минимум четыре основные стратегии, характерные как для русскоязычных, так и для немецкоязычных текстов. К ним относятся стратегия вежливого формулирования и компенсации субъективных суждений, концессивного аргументирования, избегания эксплицитной авторизации и обеспечения интерсубъективности НК. Тем не менее, прагматический план научных текстов и их коммуникативно-функциональные свойства имеют и свои идиоэтнические особенности. Например, стратегия вежливого формулирования не только широко представлена в немецкоязычных статьях, но и почти всегда реализуется с помощью глагола *scheinen*. В русскоязычных статьях, напротив, в большинстве случаев следует говорить не о стратегии вежливого формулирования, а о стратегии уравнивания субъективных суждений, в реализации которой часто участвуют модальные слова.

2.3 Модальность возможности в разных коммуникативно-смысловых частях научных статей

Как и любая разновидность специального употребления языка, профессиональный язык лингвистической статьи как коммуникативно-функциональная разновидность языка науки характеризуется рядом типичных коммуникативно-функциональных свойств, с которыми соотносятся типичные шаблонные выражения текста [ср. Feilke, 2012: 1-31]. Эта идея подчеркивается в трудах многих исследователей. У Х. Леффлера главенство функции, определяющей лексико-грамматические свойства соответствующей языковой разновидности, отражается в термине

«функциолект» [Löffler, 2010: 103-107]. Дж. П. Джи акцентирует внимание на взаимодействии разноуровневых средств, создающих характерную грамматику, соответствующую особым целям некоторой языковой разновидности. Именно из совокупности взаимодействующих («co-locating») средств, с помощью которых достигаются определенные коммуникативные цели, складывается т.н. грамматика второго уровня, противопоставляемая грамматике первого уровня, т.е. морфосинтаксическим правилам, которые изучаются в школах на уроках иностранного языка [Gee, 2014: 162-167].

При этом, как известно, разные функции присущи не только разным типам текста, но и разным коммуникативно-смысловым частям текста. При попытке коммуникативно-смыслового членения научной статьи мы опирались на предложенное В.Е. Чернявской понятие композиционно-прагматических сегментов (КПС) [Чернявская, 2000: 33-34; см. разд. 1.3]. Однако не все из предложенных В.Е. Чернявской КПС целесообразно рассматривать применительно к лингвистической статье. Как показали наблюдения, в композиционно-прагматической организации лингвистических статей присутствует не более 12 сегментов (см. прил. 3).

В ходе исследования выяснилось, что широкое использование средств МВ характерно именно для основной, аналитической части статьи. Однако довольно часто средства МВ употребляются также в заключительной части статьи и иногда во введении. В некоторых чертах эти наблюдения сопоставимы с наблюдениями Э.Г. Мхитарьянц над немецкоязычными социологическими и биологическими статьями, к которым, согласно данным исследователя, маркеры возможности преобладают в следующих КПС: *формулировка проблемы исследования* (введение); *выдвижение гипотезы* (введение или основная часть); *выводы* [Мхитарьянц, 2007:105-109].

Каким именно образом разноплановые языковые СрВ МВ оформляют семантико-синтаксические модели, или шаблонные выражения текста, в

разных КПС лингвистических статей на русском и немецком языках, будет показано в дальнейшем.

2.3.1 Семантико-синтаксические модели высказываний со значением возможности в статьях на немецком языке

Характерным примером, в котором СрВ МВ оформляют типичные синтактико-семантические структуры немецкоязычных текстов, может служить следующий текстовый отрывок, взятый из основной, аналитической части статьи и представляющий рассмотрение лингвистических примеров (рекламы компакт-дисков), с помощью которых автор критически оценивает теорию риторической структуры С. Томпсон и В. Манна.

(40) *Nur ist das den ausgedrückten Propositionen nicht unmittelbar anzusehen, d. h. es handelt sich hier um kein «propositionales» Muster im Sinne von MT (здесь имеются ввиду авторы Mann/Thompson – Е.Д.) und es müssten in ihrem Sinne zusätzliche «propositional relations» angenommen werden, nämlich Annahmen darüber, welche Eigenschaften als Qualitätsmerkmale für CDs gelten können. (6c) wäre dann als eine Zusammenfassung der positiven Bewertungen zu verstehen («it all adds up»)* (Fritz, 2014: 178).

В этом отрывке взаимодействуют лексические и морфосинтаксические средства МВ: модальный инфинитив *sein+zu*, глаголы *können* и *müssen*, а также конъюнктив. Совершенно типичны глаголы в форме инфинитива и причастия, употребляемые совместно с модальным инфинитивом и модальными глаголами: *ansehen (Akk)*, *gelten (als)*, *annehmen*, *verstehen (als)*. Каждый из них является эгоцентриком, в терминологии Е.В. Падучевой (см. подробнее разд. 2.1.2). Кроме того, все они отражают мыслительную деятельность автора-исследователя. Типичной является также структура и длина предложений приведенного отрывка. Первое предложение содержит гипотактические и паратактические связи и складывается из четырех предикаций. В начале предложения употреблен противительный союз *nur*, который влечет за

собой обратный порядок слов. Как будет показано в дальнейшем (на примере выявленных шаблонных выражений текста), конструкции со значением возможности в научных текстах на немецком языке вообще редко участвуют в организации предложений с прямым порядком слов. Это связано, во-первых, с тем, что значения МВ часто встречаются в придаточном предложении, во-вторых, научным текстам присуще широкое использование союзов, наречий и модальных слов, употребляемых в начале предложения и влекущих обратный порядок слов. С семантико-прагматической точки зрения отрывок представляет сложное сплетение наблюдений, допущений и выводов, служащих глобальной цели убеждения читателя.

Если посмотреть на текстовые реализации высказываний с семантикой возможности с точки зрения их семантико-синтаксической структуры, то обнаруживаются типичные семантико-синтаксические модели. Остановимся несколько подробнее на их рассмотрении.

В коммуникативно-смысловых частях текста, посвященных обсуждению степени изученности вопроса, формулировке проблемы, определению терминов и выдвижению предварительных гипотез, т.е. во **вводной части статьи** встречаются стереотипные выражения текста, в составе которых могут присутствовать практически любые СрВ МВ. Общим для них является направленность на описание взаимосвязей между явлениями, причем основанием для описания взаимосвязей служат труды других исследователей или собственный субъективный опыт, из которого автор-исследователь исходит, например, при формулировании гипотез. Во вводной части статьи МВ подчеркивает предварительный характер утверждений. Среди них можно выделить:

1. модели описания гипотез (*'x' und 'y' können Aufschluss über 'z' geben; 'x' erfolgt allem Anschein nach 'y_{Adverb}'; dies dürfte auf 'x' zutreffen; ohne dass 'x' erkennbar wäre; 'x' und 'y' zeigen, dass sie offenbar...; ...scheint, dass 'x' auch mit 'y' in Verbindung gebracht*

- werden **kann**; ...**ist** immer damit **zu** rechnen, dass 'x' und 'y' 'z' sein **können**; ...**könnte** man eine (weitere) Bestätigung dafür finden; 'x' und 'y' **können** Aufschluss über 'z' geben; ...**kann man** auf 'x' übertragen);
2. модели экспликации терминологии (... , dass man (auch) von 'x' sprechen **kann**; 'x' **kann man** als 'y' bezeichnen; ...**könnte man** als 'x' auffassen);
 3. модели выявления проблемы (für 'x' **lassen sich** verschiedene Ursachen identifizieren; 'x' **erscheint** problematisch; 'x', der in 'y' **zu finden ist**; ... 'x' und 'y' **zu beobachten sind**; daher **kann** es schwierig sein)
 4. модели предварительной классификации (es **lassen sich** 'x_{Numerale}' Arten von 'y' ausmachen).

В коммуникативно-смысловых частях текста, посвященных **анализу** некоторого явления, используются стереотипные выражения текста, подразделяющиеся на пять основных семантических групп.

1. При формулировании гипотез, предположений и допущений возможны следующие шаблонные выражения: 'x' **könnte** 'y' beeinflussen; **vielleicht/ möglicherweise** ist 'x'; aufgrund von 'x' **würde** 'y' eintreten, was 'z' bewirken **würde**; **erscheint** (un)wahrscheinlich; 'x' **könnte** sich auf 'y' auswirken; für 'x' **wäre zu erwarten**...; (grundsätzlich) **ist es zu erwarten, dass**...; dies **dürfte** auf 'x' zutreffen; ..., was auf 'x' hindeuten **könnte**; dies **könnte** auf 'x' hindeuten; hinsichtlich 'x' **stünde zu vermuten**; 'x' **kann** zu 'y' beitragen; 'x' führt zur **Annahme**, dass...; 'x' und 'y' sind **erwartbar**; angesichts von 'x' **müsste** 'y' angenommen werden; **denkbar** ist 'x'; 'x' **wäre** (auch) denkbar; 'x' und 'y' **wären** nur bei 'z' **zu erwarten** и др.

Допущения в аналитической части часто имеют даже не столько гипотетический, сколько прогностический характер. Фактически здесь

описываются причинно-следственные связи с еще не состоявшимся следствием. Это отражается на семантике типичных глаголов, участвующих в организации высказываний со значением возможности: *bewirken, auswirken, eintreten* и др.

2. При интерпретации эмпирических данных могут использоваться такие стереотипные выражения текста, как: 'x' **könnte** 'y' hervorheben; trat 'x' auf, so **kann** das auf 'y' hindeuten; 'x' **könnte** daran liegen, dass...; 'x' **dürfte** mehrere/folgende Ursachen haben; 'x' **mag** der Grund für 'y' sein; 'x' **lässt** offen, was...; 'x' **mag** 'y' sein; vorstellbar **wäre** auch 'x'; 'x' **kann** man darauf zurückführen; 'x' ist **allem Anschein nach** auf 'y' zurückzuführen; 'x' **kann** auf 'y' verweisen; 'x' **lässt** darauf schließen; es **lässt sich** (zumindest) festhalten, dass...; (vielmehr) **kann** 'x' als 'y' bezeichnet werden; 'x' **kann** in 'y' eingeteilt werden; 'x', der als 'y' bezeichnet werden **könnte**; 'x' **wäre** für 'y' nutzbar; 'x' **scheint** wesentlich zu sein; 'x' **mag** ein (wichtiger/wesentlicher...) Faktor sein и др.

Модели интерпретации эмпирических данных с семантической точки зрения являются самой неоднородной группой стереотипных выражений текста. Со средствами выражения возможности здесь взаимодействуют лексемы, выражающие причинно-следственные отношения (*Grund, Ursache, hindeuten, zurückführen*), а также лексемы, направленные на описание некоторого положения дел (*festhalten, hervorheben*), использующиеся для классификации и систематизирования понятий и явлений (*einteilen, bezeichnen*) и оценки пользы и значимости некоторого наблюдения (*nutzbar, wesentlicher Faktor*).

3. При доказательстве и убеждении читателя возможны такие шаблонные выражения текста как: *mir **scheint** plausibel...; plausibler **wäre** die Überlegung, dass...; (zuletzt) **mag** man darauf verweisen; man **mag** nun argumentieren; zielführender **erscheint** 'x'; 'x' **lässt sich** plausibel machen* и др.

4. При описании графиков, таблиц или примеров типичными являются следующие выражения текста: *'x' ist mit 'y' vergleichbar; 'x' ist in 'y' zu finden; 'x' ist eindeutig 'y' zu entnehmen; aus 'x' lässt sich 'y' bilden; 'x' lässt sich veranschaulichen* и др.
5. При описании метода или подхода возможны такие текстовые выражения как: *'x' hilfreich dürfte es sein; methodisch kann das in 'y' und 'z' geschehen* и др.

В коммуникативно-смысловых частях текста, в которых автор подводит итоги сказанному, т.е. в КПС «**выводы**» возможны практически все из вышеназванных шаблонных выражений текста, что вполне закономерно, ведь в заключительной части статьи в сжатом виде представлены ее основные содержательные моменты: *'x' lässt sich erklären; 'x' und 'y' scheinen eine wichtige Rolle zu spielen; 'x' lässt sich rechtfertigen; 'x_{Autor}'s Idee mag Bestand haben; 'x' ist damit zu begründen, dass...; mir scheint plausibel...; es kann sich auch um 'x' handeln; als 'x' verstanden werden könnte; dürfte aus 'x' folgen*. Здесь присутствуют модели построения гипотез, интерпретирования, оценки и аргументирования. Тем не менее есть шаблоны, свойственные исключительно данному КПС. Ярким примером может служить довольно частотное стереотипное выражение «*zusammenfassend lässt sich sagen*».

Отдельную группу образуют шаблонные выражения текста, использующиеся в коммуникативно-смысловых частях статьи, освещающих перспективы включения результатов исследования в более широкий теоретический или практический контекст, т.е. в КПС «**прогноз**»: *ein Ziel könnte darin bestehen; denkbar ist/wäre 'x'; ...möglicherweise auch dazu beitragen könnte; 'x' zu prüfen kann Aufgabe einer möglichen Anschlussstudie sein; 'x' wäre ein weiteres Untersuchungsfeld für 'y'; 'x' ist vermutlich ein guter Ansatz (da)für*. Стереотипные выражения этой группы часто характеризуются высокой плотностью СрВ МВ (в рамках одной предикации здесь могут встречаться одновременно, например, модальные

слова и глагол *können* в претерите конъюнктива; лексемы с суффиксом – *bar* и конъюнктив; модальный глагол *können* и прилагательное *möglich*), в связи с чем им присущ крайне некатегоричный и гипотетический характер.

Таким образом, особая грамматика немецкоязычных лингвистических статей образуется благодаря взаимодействию лексических и морфосинтаксических средств, оформляющих типичные шаблонные выражения текста, некоторые из которых представлены выше. Их семантический и грамматический состав во многом определяется тем местом, которое они занимают в коммуникативно-смысловой организации статьи.

2.3.2 Семантико-синтаксические модели высказываний со значением возможности в статьях на русском языке

Взаимодействие разноплановых СрВ МВ в русскоязычных статьях текста и их участие в оформлении типичных семантико-синтаксических структур научного текста можно проиллюстрировать на примере следующего отрывка:

(41) *Поскольку семиотическая концептуализация тела ранее строилась в основном на языковом материале свободных сочетаний, не исключено, что набор выделенных значений признаков, которые были получены при анализе таких сочетаний, и набор таких же значений, которые удастся извлечь в ходе анализа фразеологических соматизмов, будут не совпадать. Несовпадение таких наборов может, в свою очередь, потребовать объяснений, которые помогут глубже понять природу различий свободных сочетаний и идиом. Сказанное позволяет, как кажется, подойти к решению важной типологической задачи, а именно ответить на вопрос, совпадают или нет обозначения соматических объектов в составе фразеологического соматизма и его переводных эквивалентов (Козеренко, Крейдлин, 2011: 58-59).*

Данный фрагмент представляет вывод по одному из параграфов основной части статьи. Семантика возможности выражается здесь как на лексическом (глаголы *мочь*, *удаться*, *позволять*, модальное

вводное словосочетание *как кажется*), так и на морфосинтаксическом уровне (формы простого и сложного будущего времени глаголов *помогать, совпадать, удался*). Кроме того, присутствуют окказиональные СрВ МВ: предикатив *не исключено*. Отрывок характеризуется длинными предложениями с большим количеством предикаций. СрВ МВ участвуют в оформлении причинно-следственных связей и взаимодействуют с союзом *поскольку*: *поскольку 'х', не исключено, что будет 'у'*. Лексемы *мочь, помочь* и *позволять* влекут употребление инфинитивных оборотов, предполагающих наличие мыслящего субъекта: *потребовать объяснений, глубже понять, подойти к решению задачи*. Употребление описанных выше средств придает общему пропозициональному содержанию приведенного фрагмента гипотетически-прогностический характер.

Теперь попытаемся описать присущие разным коммуникативно-смысловым частям статей шаблонные выражения текста, в которых средства МВ взаимодействуют с другими средствами языка.

Как и в немецкоязычных статьях, в статьях на русском языке высказывания со значением возможности можно классифицировать по семантике языковых средств, употребляемых совместно со средствами МВ.

Во вводной части статьи средства МВ в совокупности с другими средствами языка образуют:

1. модели предварительной классификации (*'х' можно объединить в 'у'; 'х' и 'у' могут различаться по 'z'*);
2. модели экспликации терминологии (*об 'х' можно говорить только в том случае, когда 'у'; (однако) 'х' может рассматриваться как 'у'; 'х' и 'у' могут быть названы 'z'*);
3. модели формулировки проблемы (*для этого, очевидно, необходимо знать...; (в связи с этим) ценным может*

оказаться изучение не только 'x', но и 'y'))

4. модели описания гипотез (*мы **могли бы** ожидать 'x'*).

В основной, или **аналитической части статьи** средства МВ образуют:

1. модели описания графиков, таблиц или примеров (*еще одним примером 'x'-а **может** служить 'y'; **можно** упомянуть в качестве примера 'x'*);
2. модели интерпретации эмпирических данных (*'x' **мог бы** быть истолкован как 'y'; этим, **видимо, объясняется**, почему...; 'x' **объясним** тем, что 'y'; 'x' **может** служить свидетельством 'y'; (однако) связано это, **по-видимому**, не с 'x', а с 'y'; 'x' и 'y' **могут** трактоваться (скорее) как 'z'; 'x', **возможно**, вызванный 'y'; **можно** сказать, что 'x'; не вполне понятно, какие из этого **можно** сделать выводы о 'x'; **можно было бы** попытаться объяснить 'x' 'y'-ом; **можно** выделить следующие общие тенденции в 'x'; семантически 'x' **можно** эксплицировать следующим образом; 'x'-у **можно** противопоставить 'y'; с точки зрения 'x' все 'y' **можно** разделить на 'z'; 'x' **может** быть двух (трех, четырех...) типов; именно в этом, **по-видимому**, кроется причина того, что...; 'x' **можно** трактовать как 'y'; **возможно**, в связи с 'x' уместно/ уместнее рассматривать 'y' как 'z'*);
3. модели формулирования гипотез, допущений, предположений (*это, **вероятно**, и обусловило 'x'; как **вероятный** источник этой особенности **можно было бы** рассматривать 'x'; **можно** предположить, что...; **вероятно, можно** говорить о 'x'; использование 'x' **может** быть связано с 'y'; 'x' **может** обуславливаться 'y'-ом; это, **вероятно, может** отражать 'x'*);

4. модели доказательства, убеждения читателя (*подтверждением **могут** служить 'x' и 'y'; на это **можно** возразить, что...; (вряд ли) **можно** утверждать, что...; (не) очевидно, что такое подтверждение **можно было бы** (действительно) обнаружить*);
5. модели обсуждения методов или подходов (*выходом из 'x' **мог бы** быть 'y'*).

Для заключительной части статьи, т.е. для КПС «**выводы**» особенно характерны стереотипные выражения текста суммирующего и обобщающего, а также прогностического характера (*суммируя сказанное, **можно** сделать вывод о том, что...; в заключение **можно** отметить...; итак, подводя итог, мы **можем** сказать, что...; вполне **возможно**, что в 'x' **обнаружатся** 'y' и 'z'; 'x' **могло бы** стать предметом отдельного исследования*). Помимо того, возможны модели интерпретирования, формулирования гипотез и предположений и убеждения читателя, которые свойственны также аналитической части статьи (*изучение 'x'-а **может** быть интересно с точки зрения 'y'-а; это вызвано, **по-видимому**, тем, что...; **можно** предположить, что...; основным фактором, обусловившим 'x', является, **по-видимому** 'y'; 'x', **по-видимому**, не в последнюю очередь объясняется 'y'-ом; возможно, 'x' – это 'y'*).

Таким образом, средства МВ используются в определенных коммуникативно-смысловых частях русско- и немецкоязычных статей и совместно с другими средствами языка образуют стереотипные выражения текста. Шаблонность этих выражений определяется общностью функции и типичной семантикой средств, взаимодействующих со средствами МВ. Кроме того, стереотипные выражения текста, включающие МВ, характеризуются определенной синтаксической структурой, которая во многом зависит от места данного выражения в предложении.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

МВ выполняет в лингвистических статьях определенные коммуникативно-прагматические функции и имеет ряд типичных способов выражения. Исследование разных аспектов текстовой реализации МВ в лингвистических статьях на русском и немецком языках позволило выявить общие и идиоэтнические особенности функционирования МВ в названных языках.

Одним из аспектов рассмотрения явились данные по частотности употребления, которые позволили выявить наиболее типичные средства текстовой реализации МВ в статьях на русском и немецком языках и выстроить систему соответствий и расхождений между ними. Исследование показало, что к наиболее частотным СрВ МВ в немецкоязычных статьях относятся модальные глаголы (прежде всего, глагол *können*), конъюнктив, лексемы с модальным суффиксом *-bar* и модальные слова; в русскоязычных статьях наиболее частотными являются модальный глагол *мочь*, модальные предикативы, прилагательные, модальные слова и лексемы с модальным суффиксом *-им*.

Более подробный анализ показал, что несмотря на сопоставимость частотных показателей некоторые средства МВ выражают разные типы модальности. К ним относятся лексемы с суффиксом *-bar* в немецком языке и модальные слова в русском языке; модальные слова в немецком языке и лексемы с суффиксом *-им* в русском языке, а также некоторые другие. В ходе анализа были выявлены также средства языка, использующиеся для выражения значений ЭВ, но не ОВ. К ним относятся СрВ видо-временных отношений, конъюнктив и сослагательное наклонение, большинство модальных глаголов немецкого языка (кроме глагола *können*) и модальные слова. Кроме того, оказалось, что в немецкоязычных статьях ЭВ является более частотным типом МВ, чем в

русскоязычных статьях (разница составляет около 10%).

Анализ собранных примеров показал, что присутствие средств МВ в лингвистических статьях отвечает основным целям НК. Использование СрВ ЭВ связано с различными стратегиями научной аргументации, среди которых ведущую роль играет стратегия осторожного формулирования, к которой можно отнести также стратегию вежливого формулирования и компенсации субъективных суждений, концессивного аргументирования, избегания эксплицитной авторизации и обеспечения интерсубъективности НК. Прагматический план русскоязычных и немецкоязычных статей обладает идиоэтническими особенностями. Например, стратегия вежливого формулирования гораздо более широко представлена в статьях на немецком языке.

Структурно-грамматический анализ показал, что существуют типичные семантико-синтаксические модели реализации МВ в текстах на немецком и русском языках, которые складываются из взаимодействия средств МВ с другими средствами языка. Последние чаще всего отражают мыслительную деятельность субъекта, т.е. автора-исследователя. При формулировании гипотез и допущений часто наблюдается аккумуляция СрВ МВ в рамках одной предикации. Выяснилось, что МВ наиболее часто встречается при анализе примеров, интерпретации эмпирических данных, выдвижении гипотез, доказательстве собственной точки зрения на какой-либо объект рассмотрения и т.д.

Таким образом, МВ является одним из важнейших конституирующих элементов лингвистических статей, и ее присутствие в научных текстах отвечает основным целям НК. Главенство эпистемической функции в научных текстах на обоих языках проявляется в сходстве коммуникативных стратегий. Идиоэтнические особенности функционирования грамматической категории МВ в статьях на русском и

немецком языках проявляются в разной текстовой реализации высказываний с семантикой возможности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингводискурсивный подход к изучению научного текста с особым вниманием к коммуникативной функции языка лингвистической статьи как разновидности языка науки позволяет рассматривать модальность возможности как способ достижения двух основных целей НК – информирования и убеждения читателя. В реализации этих целей участвуют средства МВ, которые подразделяются на два типа – эпистемический и онтологический. Присутствие МЗВ в научных лингвистических статьях предопределяется целым рядом свойств НК, которые в целом сводятся к ориентированности на сложившиеся дискурсивные нормы НК, с одной стороны, и на читателя, являющегося потенциальным оппонентом, с другой стороны.

Предпринятый в настоящей работе анализ высказываний с семантикой возможности на материале русско- и немецкоязычных лингвистических статей приводит к выводу об универсальности категории МВ для рассматриваемой языковой пары в коммуникативном жанре «лингвистическая научная статья», причем в дискурсивных нормах обеих языковых общностей очень часто высказывания с семантикой возможности используются для отражения когнитивной и речевой деятельности субъекта в соответствии с эпистемической функцией научных текстов. Разные аспекты рассмотрения МВ позволяют сделать ряд выводов об универсальных и идиоэтнических особенностях функционирования данной категории в лингвистических статьях.

Предпринятый в работе структурно-грамматический анализ показал, что взаимодействие различных СрВ МВ, традиционно выделяемых в толковых академических словарях, справочниках русского и немецкого языков и ведущих грамматиках, возможно на разных уровнях членения дискурсов и текстов (как на предикативном уровне, так и на уровне абзаца или коммуникативно-прагматического сегмента).

Учет контекстно-семантических данных позволил выделить типичные модели реализации значений МВ в разных коммуникативно-смысловых частях русскоязычных и немецкоязычных статей. При этом средства МВ могут взаимодействовать не только между собой, но и с другими лексемами, используемыми для классификации, описания, установления причинно-следственных связей, выдвижения гипотез и т.д. Опираясь на семантику этих лексем, а также на место этих высказываний в коммуникативно-смысловой организации текста, удалось выявить 9 типов моделей реализации МВ в лингвистических статьях: *модели классификации, модели экспликации терминологии, модели формулировки проблемы, модели описания графиков, таблиц или примеров, модели интерпретации эмпирических данных, модели формулирования гипотез, допущений и предположений, модели доказательства и убеждения читателя, модели обсуждения методов или подходов, модели суммирования и подведения итогов.*

Анализ частотности употребления в русско- и немецкоязычных статьях традиционно выделяемых в грамматиках СрВ МВ показал, что наиболее типичными способами текстовой реализации МВ в статьях на обоих языках являются модальные глаголы *können* (7,45%) и *möchte* (6,19%). Эти глаголы сопоставимы не только по частотности употребления, но и по семантическим свойствам.

Коммуникативно-прагматический анализ высказываний с семантикой ЭВ привел к выводу о существовании четырех основные стратегий научного формулирования, в рамках которых используется модальность возможности. Это *стратегия вежливого формулирования и компенсации субъективных суждений, стратегия концессивного аргументирования, стратегия избегания эксплицитной авторизации и стратегия достижения объективности изложения и обеспечения интерсубъективности НК.*

Таким образом, рассмотрение разных аспектов функционирования модальных средств с семантикой возможности в лингвистических статьях позволило получить многоплановое представление о МВ и способах ее реализации в системах русского и немецкого языков. Ведущая роль МВ в структурно-семантической организации лингвистической статьи как жанровой разновидности научного текста приводит к заключению о возможности более глубокого анализа этой категории на материале других устных и письменных типов научного текста, таких как монография, рецензия, доклад и др. Кроме того, перспективой для дальнейшего исследования может стать изучение особенностей функционирования МВ на материале научных текстов из других областей науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов И.В. Модальность научного текста как лингво-педагогическая проблема / И.В. Антипов // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 10. – С. 32–36.
2. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте / Е.А. Баженова // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Рос. и зарубеж. филология. – 2009. – Вып. 5. – С. 24–32.
3. Беляева Е.И. Возможность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко (отв. ред.). – СПб. : «Наука», 1990. – С. 126–142.
4. Беляева Е.И. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности / Е.И. Беляева, С.Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. / А.В. Бондарко (отв. ред.). – СПб. : «Наука», 1990а. – С. 123–126.
5. Бондарко А.В. Морфологические категории глагола: категория времени // Русская грамматика. Т.1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980а. – С. 624–634.
6. Бондарко А.В. Морфологические категории глагола: употребление видов // Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980б. – С. 602–611.
7. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
8. Гатинская Н.В. Модально-оценочные слова в историческом и современном контексте / Н.В. Гатинская // Вестник РУДН. Сер. Вопр. образования: языки и специальность. – 2007 – № 1. – С. 17–24.

9. Гончарова Е.А. Медиальный аспект модуса формулирования текста как проблема стилистики / Е.А. Гончарова // Стилль. – 2008. – № 7. – С. 11-20.
10. Дускаева Л.Р. Коммуникативный блок / Л.Р. Дускаева, О.В. Протопопова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 163–167.
11. Зверева Е.А. Научная речь и модальность / Е.А. Зверева. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – 158 с.
12. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – 544 С.
13. Ильин В.В. Критерии научности знания / В.В. Ильин. – М. : Высш. шк., 1989. – 128 С.
14. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
15. Кириченко Н.В. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 242–248.
16. Ковтунова И.И. Порядок слов / И.И. Ковтунова // Русская грамматика. Т.2 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – С. 317–320.
17. Крашенинникова Е.А. Модальные глаголы и частицы в немецком языке / Е.А. Крашенинникова. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР, 1958. – 158 с.
18. Крижановская Е.М. Композиция (текста) / Е.М. Крижановская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под.

- ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 168–173.
19. Мильруд Р.П. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте / Р.П. Мильруд, И.В. Антипов // Яз. и культура. – 2009. – № 1 (5). С. 29–38.
20. Миронова Н.Н. Средства выражения субъективной модальности в научном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Миронова Надежда Николаевна ; [Моск. ордена Дружбы народов гос. лингв. ун-т]. – М., 1991. – 25 с.
21. Мхитарьянц Э.Г. Реализация модальных значений возможности и необходимости в научном тексте (на материале немецких статей по социологии и биологии) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Эвелина Гарриевна Мхитарьянц ; [С.-Петербург. гос. ун-т]. – СПб., 2007. – С. 236–260.
22. Нефёдов С.Т. Дискурсивные функции модальных слов в научной аргументации / С.Т. Нефёдов // Унив. науч. журн. – № 21. – 2016а. – С. 34–42.
23. Нефёдов С.Т. Императивы лингвистического дискурса / С.Т. Нефёдов // Науч. мнение. – 2014. – № 5. – С. 58–64.
24. Нефёдов С.Т. Интенциональная структура и модальность науч. текста / С.Т. Нефёдов // Филологические науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016б. – № 9(63) : в 3-х ч. – Ч. 3. – С. 141–145.
25. Нефёдов С.Т. Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке: синхрония и диахрония / С.Т. Нефёдов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007а. – 204 с.
26. Нефёдов С.Т. О двух типах модальности в немецкой германистике / С.Т. Нефёдов // Материалы XXXVI Междунар. филолог. конф. 12-17 марта 2007 г. Вып. 11 : Грамматика (романо-германский цикл). – СПб., 2007б. – С. 117–124.

27. Нефёдов С.Т. О понятии модальности в лингвистических описаниях / С.Т. Нефёдов // Англистика XXI века. Сб. материалов III Всерос. науч. конф. 24-26 января 2006 г. – СПб., 2007в. – С. 111–115.
28. Нефёдов С.Т. Эпистемические «сдвиги» в модальности научного текста / С.Т. Нефёдов // Науч. обозрение: гуманитар. исслед. – 2016в. – № 9. – С. 111–118.
29. Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 3–18.
30. Плотникова В.А. Морфологические категории глагола: категория лица / В.А. Плотникова // Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980а. – С. 634–638.
31. Плотникова В.А. Наречие // Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980б. – С. 701–703.
32. Сон Х. Выражение семантики необходимости и возможности в высказываниях с модальными предикативами в современном русском языке (на материале публицистики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сон Хюник ; [С.-петерб. гос. ун-т им. А.А. Жданова]. - СПб., 2009. – 153 с.
33. Федорова И.Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет) : учеб. пособие. / И.Р. Федорова. – Калининград : Изд-во КГУ, 2000. – 85 с.
34. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 259 с.
35. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста : [стиль, текст, дискурс] : учеб. пособие для студентов ст. курсов, магистрантов и аспирантов вузов, обуч. по напр. 540300 (050400) «Филол. образование» / В.Е. Чернявская. – 3-е изд., стереотип. – М. : УРСС : КомКнига, 2006. – 127 с.

36. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале нем. яз.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Валерия Евгеньевна Чернявская ; [С.-петерб. гос. ун-т]. – СПб., 2000. – 49 с.
37. Шведова Н.Ю. Система простых предложений: инфинитивный класс / Н.Ю. Шведова // Русская грамматика. Т.2 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980а. – С. 372–377.
38. Шведова Н.Ю. Подчинительные связи слов и словосочетания / Н.Ю. Шведова // Русская грамматика. Т.2 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980б. – С. 13–24.
39. Шведова Н.Ю. Предложения фразеологизированной структуры / Н.Ю. Шведова // Русская грамматика. Т.2 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980в. – С. 382–386.
40. Шведова Н.Ю. Простое предложение / Н.Ю. Шведова // Русская грамматика. Т.2. / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980г. – С. 83–92.
41. Шведова Н.Ю. Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений / Н.Ю. Шведова // Русская грамматика. Т.2 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980д. – С. 214–237.
42. Шведова Н.Ю. Формы простого предложения / Н.Ю. Шведова // Русская грамматика. Т.2 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980е. – С. 98–119.
43. Эслон П.А. Модальное значение возможности/невозможности в русском языке : типология и средства выражения : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / П. А. Эслон ; [Тартуский гос. ун-т]. – Тарту, 1986. – С. 216 с.
44. Admoni W. Der deutsche Sprachbau / W. Admoni. – Moskau : Verlag Prosveshchenie, 1986. – 334 S.
45. Auer P. Kontextualisierung / P. Auer // Studium Linguistik. – 1986. – № 19. – S. 22–47.

46. Brandt P. Generische Möglichkeit in Medialkonstruktionen / P. Brandt // Modalität. Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus / Hrsg. W. Abraham, E. Leiss. – Tübingen : Stauffenburg, 2009. – S. 79–100.
47. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / Brinkmann H. – Schwann, Düsseldorf : Pädagogischer Verlag, 1962. – 654 S.
48. Bybee J. L. Modality in Grammar and Discourse / Joan L. Bybee, Suzanne Fleischman. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1995. – 575 p.
49. Dietrich R. Modalität im Deutschen / R. Dietrich. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1992. – 221 S.
50. Duden «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache» / hrsg. u. bearb. von F. Münzberg, unter Mitarb. von S. Schmadel – 9. Aufl. – Bd. 4. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Bibliographisches Institut, 2016. – 1344 S.
51. Ehlich K. Deutsch als fremde Wissenschaftssprache / K. Ehlich // Deutsch als Fremdsprache. – 1993. – Bd. 19. – S. 13–42.
52. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik / P. Eisenberg. – Bd. 2 : Der Satz. 3., durchges. Aufl. – Stuttgart ; Weimar : Metzler, 2006. – 573 S.
53. Engel U. Kommunikative Grammatik. Deutsch als Fremdsprache : Die Regeln der deutschen Gebrauchssprache in 30 gemeinverständlichen Kapiteln ; mit Texten und Aufgaben / Ulrich Engel, Rozemaria K. Tertel. – München : Iudicium-Verl., 1993. – 343 S.
54. Feilke H. Was sind Textroutinen? – Zur Theorie und Methodik des Forschungsfeldes / H. Feilke // Schreib- und Textroutinen. Theorie, Erwerb und didaktisch-mediale Modellierung (Forum Angewandte Linguistik. Bd. 52) / Hrsg. Helmut Feilke und Katrin Lehnen. – Frankfurt am Main et al. : Peter Lang, 2012. – S. 1–31.

55. Fintel von, K. Modality and Language / K. von Fintel // Encyclopedia of Philosophy. – 2nd ed. – Detroit : MacMillan Reference USA, 2006. URL : <http://mit.edu/fintel/www/modality.pdf> (дата обращения : 10.05.2017).
56. Gee J.P. How to do Discourse Analysis. A Toolkit / J.P. Gee. – 2nd ed. – Abingdon ; Oxon : Routledge, 2014. – 302 p.
57. Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – 17. Aufl. – Leipzig : Verl. Enzyklopädie, 1996. – 731 S.
58. Helbig G. Lexikon Deutscher Modalwörter / G. Helbig, A. Helbig. – Leipzig: Langenscheidt Verl. Enzyklopädie, 1990. – 300 S.
59. Hentschel E. Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. – 4. Aufl. – Berlin: de Gruyter, 2013. – 472 S.
60. Hentschel E. Deutsche Grammatik / E. Hentschel (Hrsg.). – Berlin ; New York : de Gruyter Lexikon, 2010. – 404 S.
61. Hoberg U. Vielleicht — wahrscheinlich — sicher. Bemerkungen zu einer Gruppe von pragmatischen Adverbialen / U. Hoberg // Linguistische Studien / H. Moser (Hrsg.) – Bd. IV. – Düsseldorf, 1973. – S. 87–102.
62. Holl D. Was ist modal an modalen Infinitiven? / D. Holl // Modalität und Modalverben im Deutschen / R. Müller, M. Reis (Hrsg.). – Hamburg : Buske, 2001. – S. 217–238.
63. Kresta R. Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und des Deutschen / R. Kresta. – Frankfurt/Main et al. : Lang, 1995. – 406 S.
64. Kretzenbacher H.L. Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften? / H.L. Kretzenbacher // Linguistik der Wissenschaftssprache. / H.L. Kretzenbacher, H. Weinrich (Hrsg.). – Berlin ; New York : de Gruyter, 1994. – S. 15–36.
65. Kwon M.-J. Modalpartikeln und Satzmodus: Untersuchungen zur Syntax, Semantik und Pragmatik der deutschen Modalpartikeln : [Inaug.-Diss.] /

- Min-Jae Kwon ; [Ludwig-Maximilians-Univ. München]. – München, 2005. – 259 S.
66. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik. – 4., neu bearb. Aufl. – Berlin : Erich Schmidt Verl., 2010. – 222 S.
67. Metzler-Lexikon Sprache / H. Glück, M. Rödel (Hrsg.). – 5. Aufl. – Stuttgart : J.B. Metzler Verl., 2016. – 814 S.
68. Meyer H.-J. Modality in Science Texts / H.-J. Meyer // Special Language / Fachsprache 3 / 4. – Wien : Facultas Verlags- u. Buchhandels AG, 1989. – p. 127–135.
69. Meyer P.G. Hedging strategies in written academic discourse: strengthening the argument by weakening the claim / P.G. Meyer // Hedging and discourse: approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts / ed. by R. Markkanen, H. Schröder. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1997. – p. 21–42.
70. Nefedov S. Fachsprache ‘Linguistik’ in der universitären Kommunikation: explizite und implizite Autorisierung sprachwissenschaftlicher Texte / S. Nefedov // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur. – 2014. – № 2. – S. 17–33.
71. Nwogu K.N. The Medical Research Paper: Structure and Functions / K.N. Nwogu // English for Specific Purposes. – 1997. – Vol. 16. – No. 2. – p. 119–138.
72. Piqué J. A Pragmatic Analysis Framework for the Description of Modality Usage in Academic English contexts / Jordi Piqué, Santiago Posteguillo, J. Vincent Andreu-Besó // Estudios de Linguística Inglesa Aplicada. – 2001. – №2. – p. 213–224. URL : <http://institucional.us.es/revistas/elia/2/16.%20pique.pdf> (дата обращения : 10.05.2017).

73. Piqué J. A textual perspective in scientific articles: Patterns and moves / J. Piqué, J.-V. Andreu-Besó // Integrating Theory and Practice in LSP and LAP. – 2000. – p. 57–70.
74. Redder A. Modalverben in wissenschaftlicher Argumentation – Deutsch und Englisch im Vergleich // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. – 2001. – Vol. 27. – S. 313–330.
75. Schümann M. Der russische Partikel-Konjunktiv und der deutsche würde-Konjunktiv im Vergleich / M. Schümann // Linguistik online. – 2010. – Bd. 44. – № 4. URL : http://www.linguistik-online.de/44_10/schuemann.html (дата обращения : 3.10.2016).
76. Steinhoff T. Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten / T. Steinhoff. – Tübingen : Max Niemeyer Verl., 2007. – 455 S.
77. Swales J.M. Genre analysis: English in Academic and Research Settings / J.M. Swales. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
78. Thue E. Epistemic modality markers in research articles: a cross-linguistic and cross-disciplinary study / E. Thue // International Journal of Applied Linguistics. – 2006. – Vol. 16. – № 1. – p. 61–87.
79. Tscherniavskaia V. Kommunikation in der Wissenschaft: Ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit / V. Tscherniavskaia // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur. – 2014. – № 2. – S. 5–15.
URL:<http://www.journals.istanbul.edu.tr/iuaded/article/view/5000109547/5000101894> (дата обращения: 30.03.2017).
80. Vázquez, I. Beyond Mood and Modality: Epistemic Modality Markers as Hedges in Research Articles. A Cross-Disciplinary Study / I. Vázquez, D. Giner // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. – 2008. – № 21. p. 171–190.
81. Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache / H. Weinrich // Jb. der Akad. der Wiss. zu Berlin. – 1989. – S. 119–158.

82. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache / Harald Weinrich unter Mitarb. von Maria Thurmair. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1993. – 1101 S.
83. Zifonun G. Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Stecker et al. – Bd. 1-3. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1997. – 2569 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

		Название статьи	Кол-во стр. без аннотации	Кол-во предикций	
СТАТЬИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ		Zeitschrift für germanistische Linguistik Berlin/Boston: Walter de Gruyter			
		1.	Bubenhofer N., Hansen-Morath S., Konopka M. Korpusbasierte Exploration der Variation der nominalen Genitivmarkierung. 2014. Bd. 42. Nr. 3. S. 379-419.	40	649
		2.	Bubenhofer N., Scharloth J. Maschinelle Textanalyse im Zeichen von Big Data und Data-driven Turn – Überblick und Desiderate. 2015. Bd. 43. Nr. S. 11-26.	20	435
		3.	Bücking S. Zur Syntax hypothetischer Vergleichssätze im Deutschen. 2015. Bd. 43. Nr. 2. S. 261-305.	45	1079
		4.	Czech H. Variablenbindung und semantische Genuskongruenz bei Eigennamen im Deutschen. 2015. Bd. 43. Nr. 2. S. 233-260.	23	489
		5.	Fobbe E. Fingierte Lernaltersprachen. Strategien der muttersprachlichen Fehlerproduktion im Dienste der Verstellung. 2014. Bd. 42. Nr. 2. S. 196-222.	22	568
		6.	Fraas C., Pentzold C. Big Data vs. Slow Understanding? Voraussetzungen und Vorgehen computergestützter Analyse transmedialer multimodaler Diskurse. 2015. Bd. 43. Nr. 1. S. 112-133.	19	318
		7.	Fritz G. Texttheorie und textlinguistische Annotation von Korpora: Bemerkungen zur Rhetorical Structure Theory. 2014. Bd. 42. Nr. 2. S. 163-195.	29	743
		8.	Kath R. Schaal G.S. Dumm S. New Visual Hermeneutics. 2015. Bd. 43. Nr. 1. S. 27-51.	22	490
		9.	Lemke M., Stulpe A. Text und soziale Wirklichkeit. Theoretische Grundlagen und empirische Anwendung	25	524

	von Text-Mining-Verfahren in sozialwissenschaftlicher Perspektive. 2015. Bd. 43. Nr. 1. S. 52-83.		
10.	Lindemann K., Ruoss E., Weinzinger C. Dialogizität und sequenzielle Verdichtung in der Forenkommunikation: Editieren als kommunikatives Verfahren. 2014. Bd. 42. Nr. 2. S. 223-252.	24	624
11.	Mollica F. Der Dativus Ethicus im Deutschen aus konstruktionsgrammatischer Sicht. 2014. Bd. 42. Nr. 3 S. 349-378.	27	664
12.	Neef M. Satzgliedfunktionen im Deutschen: eine realistische Weiterentwicklung. 2014. Bd. 42. Nr. 3. S. 420-455.	33	1140
13.	Nübling D. Die Bismark – der Arena – das Adler. Vom Drei-Genus zum Sechs-Klassen-System bei eigennahmen im Deutschen: Degrammatikalisierung und Exaptation. 2015. Bd. 43. Nr. 2. S. 306-344.	35	850
14.	Peter K. Zur Semantik phänomenaler onymischer Genitivattribute. 2015. Bd. 43. Nr. 2. S. 199-232.	31	685
15.	Richter M. Schließen auf Verbklassen. 2015. Bd. 43. Nr. 2. S. 183-198.	13	323
16.	Zinsmeister H. Chancen und Grenzen von automatischer Annotation. 2015. Bd. 43. Nr. 1. S. 84-111.	25	641
Zeitschrift für angewandte Linguistik Berlin/Boston: Walter de Gruyter			
17.	Göpferich S., Nelezen B. Die Sprach(un)abhängigkeit von Textproduktionskompetenz: Translation als Werkzeug der Schreibprozessorforschung und Schreibdidaktik. 2013. S. 167-200.	30	541
18.	Janich N., Zakharova E. Fiktion ‘gemeinsame Sprache’? Interdisziplinäre Aushandlungsprozesse auf der Inhalts-, der Verfahrens-, und der Beziehungsebene. 2014. Bd. 61. Nr. 1. S. 3-25.	21	305
19.	Juschka-Bacher B., Jakob S. Wortschatzumfang und Wortschatzqualität und ihre Bedeutung im fortgesetzten Spracherwerb. 2014. Bd. 61. Nr. 1. S.	22	425

	49-75.			
20.	Leuninger H., Dümig S., Kops F., Koch C., Grimm T., Becker J., Paul M., Schwarze R. Phonologische Komplexität: Demisilben in Versprechern, Paraphrasien und Neologismen. 2013. Bd. 59. Nr. 1. S. 1-19.	15	286	
		521 стр.	11779 пред.	
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ	Вопросы языкознания Москва: Наука			
	21.	Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. 2011. № С. 1. 19-51.	31	896
	22.	Бахмутова И.А. Лингвистические и социолингвистические особенности литературного немецкого языка российских немцев-меннонитов омской области. 2012. № 3. С. 122-144.	22	624
	23.	Глебкин В.В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона. 2012. № 3. С. 51-68.	16	414
	24.	Горбов А.А. Топ-метод экспресс-номинации эконом-класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине. 2010. № 6. С. 26-36.	11	241
	25.	Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары. 2010. № 1. С. 3-23.	19	599
	26.	Зельдович Г.М. Синтетический пассив совершенного вида на –ся: почему его (почти) нет? 2010. № 2. С. 3-36.	32	1389
	27.	Казенин К.И. Проблема ‘размеров’ конъюнктов в русском языке: данные некоторых типов сочинительных конструкций. 2011. № 4. С. 46-60.	13	421
	28.	Карпов А.А. Компьютерный анализ и синтез русского жестового языка. 2011. № 6. С. 41-53.	11	277
	29.	Касаткин Л.Л. Орфоэпема как основная единица	7	154

	орфоэпии. 2011. № 2. С. 31-38.		
30.	Касаткина Р.Ф. Специфика севернорусского наречия – субстратная или генетическая». 2010. № 5. С. 3-13.	9	241
31.	Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела. 2011. № 6. С. 54-66.	12	431
32.	Кретов А.А., Меркулова И.А., Титов В.Т. Проблемы количественной лексикологии славянских языков. 2011. № 1. С. 52-65.	9	274
33.	Никитина Е.Н. Конструкции с именительным и творительным предикативным в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматических категорий). 2011. № 6. С. 3-28.	24	597
34.	Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего. 2011. № 3. С. 3-18.	15	500
35.	Пекелис О.Е. Двухместные сочинительные союзы: опыт системного анализа (на основе корпусных данных). 2012. № 2. С. 10-44.	32	812
36.	Перцов Н.В. Пильщиков И.А. О лингвистических аспектах текстологии. 2011. № 5. С. 3-30.	23	661
37.	Рогова А.С. Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье. 2010. № 4. С. 27-35.	8	228
38.	Савинов Д.М. О причинах эволюции систем предупредительного вокализма в южнорусских говорах. 2012. № 2. С. 45-60.	14	416
39.	Савова Д.В. Предикативная структура высказывания в болгарском языке. 2012. № 3. С. 69-90.	20	592
40.	Урысон Е.В. Составной союз или сочетание слов: даже если под семантическим микроскопом. 2010. № 3. С. 30-58.	26	897
		354 стр.	10664 пред.

СПИСОК СПРАВОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ И СОКРАЩЕНИЙ

1. МВ – модальность возможности
2. МЗВ – модальные значения возможности
3. НК – научная коммуникация
4. НСВ – несовершенного вида
5. ОВ – онтологическая возможность
6. СВ – совершенного вида
7. СрВ – средства выражения
8. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. Москва, Азъ, 1992. URL: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_m_o.txt (дата обращения 03.05.2017).
9. ЭП – эпистемическая возможность
- 10.D – Duden online. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/koennen> (дата обращения 03.05.2017).

Приложение 1

Способы выражения возможности в русском языке	Способы выражения возможности в немецком языке	
Лексические средства	Модальные глаголы <i>мочь, уметь</i>	Модальные глаголы <i>können (+Infinitiv, +man), mögen, (sich) lassen, (er)scheinen</i>
	Модальные предикативы <i>можно, в некоторых случаях нельзя</i>	Konjunktiv II от модальных глаголов <i>dürfen (dürfte, dürften)</i> и <i>müssen (müsste)</i>
	Наречия <i>легко, нетрудно</i>	Модальный инфинитив <i>sein + zu</i> Модальные частицы: <i>durchaus, etwa, eben, halt</i>
	Модальные слова <i>наверное, наверняка, по-видимому, должно быть, вероятно, очевидно, видимо, может быть, авось, возможно, верно, кажется, пожалуй, представляется</i>	Модальные слова <i>vielleicht, möglicherweise, vermutlich, etwa, wahrscheinlich, offenbar, anscheinend, scheinbar, allem Anschein nach, augenscheinlich, hoffentlich, kaum, mutmaßlich, schwerlich, wohl, womöglich, eventuell, voraussichtlich</i>
	Модальные прилагательные и наречия <i>возможный, вероятный</i>	Модальные прилагательные и наречия <i>möglich, wahrscheinlich</i>
	Синтаксические обороты с существительными <i>возможность, предположение</i> и др.	Синтаксические обороты с существительными. <i>Möglichkeit, Vermutung</i>
Морфосинтаксические средства	Лексемы с модальным суффиксом –им (<i>объяснимо, допустимо</i>)	Лексемы с модальным суффиксом -bar, -lich, -fähig
	Сослагательное наклонение (конъюнктив)	Конъюнктив (Konjunktiv II)
	Простое будущее	Модальное будущее (modales epistemisches Futur)
	Сложное будущее	Будущее совершенное (Futurperfekt)
	Пассивно-качественная возможность	Генерическая возможность (Generische Möglichkeit)
	Инфинитивные обороты типа <i>есть куда пойти</i>	

Таблица 1 – Средства выражения возможности в русском и немецком языках.

Приложение 2

СрВ МВ в ст. на нем. яз.	Частотность	Доля лексем, употребленных в значении ЭВ	СрВ МВ в ст. на рус. яз.	Частотность	Доля лексем, употребленных в значении ЭВ
Модальные глаголы (Modal- und Modalitätsverben (из них глагол <i>können</i>))	9,89% (7,45%)	> 50% (> 40%)	Модальные глаголы	6,19%	> 30%
Конъюнктив	2,21%	100%	Модальные предикативы	2,35%	~ 80%
Лексемы с модальным суффиксом -bar	1,89%	~ 20%	Краткие и полные прилагательные	2,05%	~ 0%
Прилагательные	1,19%	~ 0%	Модальные слова	1,72%	100%
Модальные слова	0,93%	100%	Лексемы, образованные с помощью суффикса -им	1,02%	< 5%
Модальный инфинитив	0,83%	> 50%	Сослагательное наклонение (конъюнктив)	0,75%	100%
Конструкции с существительным и	0,42%	< 50%	СрВ выражения видо-временных отношений	0,74%	100%
СрВ видо-временных отношений	0,16%	100%	Конструкции с существительными	0,61%	~ 50%
			Инфинитивные обороты типа <i>esst</i> основания <i>polagat</i>	0,04%	100%
Общее количество модальных конструкций со значением возможности	17,53%	~ 55%	Общее количество модальных конструкций со значением возможности	15,78%	~ 44%

Таблица 2 – Относительная частотность СрВ МВ в русском и немецком языках.

Приложение 3

1. Введение (характеристика темы/предмета исследования)
 - a. предварительная классификация
 - b. экспликация терминологии
 - c. формулировка проблемы и степень ее изученности
 - d. гипотеза
2. Анализ
 - a. описание графиков, таблиц, эксперимента
 - b. рассмотрение примеров
 - c. интерпретация эмпирических данных
 - d. выдвижение гипотез
 - e. доказательство, убеждение читателя
 - f. обсуждение методов или подходов
3. Выводы
 - a. подведение итогов исследования
 - b. научный прогноз

В вышеприведенной схеме отражается трехчленная структура научной статьи, и это единственная общая для всех лингвистических статей композиционная черта. Аналитическая часть статьи может включать описание графиков и таблиц, рассмотрение примеров, теоретических концепций и гипотез, а также различные аргументативные структуры, направленные на убеждение читателя.